

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Ветер дует, горы стоят на месте

КАРП И ДРАЖОН

Книга I. ПОВЕСТИ О КАРМЕ

Карп и Дракон

Генри Олди
Повести о карме

«Автор»

2019

Олди Г. Л.

Повести о карме / Г. Л. Олди — «Автор», 2019 — (Карп и Дракон)

В Японии царит Эпоха Воюющих Провинций. Все сражаются со всеми, горят крепости и монастыри, вороны пируют на полях боев. Монах-воин Кэннё, настоятель обители Хонган-дзи, не может больше видеть этот ужас. Он просит будду Амиду сделать что-нибудь, что прекратило бы кровопролитие, и милосердный будда является монаху. Дар будды изменит всю дальнейшую историю окрестных земель, превратив Страну Восходящего Солнца в Чистую Землю. Вскоре правительство Чистой Земли учредит службу Карпа-и-Дракона, в обязанности которой войдут разбирательства по особым делам, связанным с даром будды. А через сто лет после молитвы Кэннё у юного самурая из Акаямы умрёт бабушка. Смерть её положит начало удивительным событиям, достойным лечь в служебный архив.

© Олди Г. Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Повесть о мертвой старухе и живом самурае	11
Глава первая	11
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвертая	41
Глава пятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Генри Лайон Олди

Повести о карме

«Та счастливая страна недалеко отсюда. Чтобы родиться в ней, нужно почитать и вскармливать отца и мать, служить наставникам, иметь сострадательное сознание, никого не убивать и совершать десять благих деяний.»

«Сутра о видении будды по имени Неизмеримое Долголетие»

Пролог

– Славься, будда Амида...

Небо горело над монахом.

– О будда Амида, Океан Единства, я получаю прибежище в тебе, доверяя всем сердцем и умом твоему учению...

Небо горело над монахом, но сердце монаха горело жарче во сто крат. Если вырвать его, это сердце, кипящее от ненависти, и швырнуть на землю, оно сожгло бы мир дотла. Иногда, захлебываясь в бурлящем кипятке страстей, растворяясь в нём до потери личности, монах забывал, как его зовут.

Кòса, вспомнил он, возвращая себе ясность мыслей. В миру меня звали Коса. Это было давно, сейчас мое имя звучит так: Кэннэ. Иногда, выказывая уважение, люди говорят: Хонган-дзи Кэннэ, добавляя к имени название монастыря – обители, которую я, недостойный, возглавляю вот уже двадцать восемь лет.

О, храм Изначального Обета, великий Хонган-дзи в Исияма! Злосчастный Хонган-дзи! Железные пальцы твои сломаны, золотые глаза твои угасли. Два последних года я возглавляю монастырь, которого не существует. Лишь вороны кружатся в серых от скорби небесах. Лишь тощие лисы охотятся на мышей в чёрных развалинах.

– О Амида, единство жизни и света! Я обращаюсь к тебе и молю тебя о тех, кто живет в каждой части мира, рядом со мной и далеко от меня, и в сердце моем...

Сколько их, задохнулся Кэннэ. Кровь ударила монаху в голову, плечи согнулись под незримой тяжестью. Сколько вас, братья мои, кто отныне живет только в моем сердце?! Прах, пепел, горечь воспоминаний.

– ...рядом со мной и далеко от меня...

Три тысячи убитых в дружественном монастыре Энряку-дзи. Тридцать сотен мертвецов: мужчины, женщины, дети. Обритые головы расколоты боевыми молотами. Рясы цвета шафрана и корицы истыканы стрелами. Дым над руинами. Дым над горой Хиэй. Багровый дым, подсвеченный отблесками пожара. Торжествующий вой злых духов: сонмища их ринулись с северо-востока на склоны, утратившие молитвенную защиту. Рёв самураев, пьяных от пролитой крови.

Триумф Демона-повелителя Шестого неба, врага Будды.

– ...и молю тебя о тех, кто живет в каждой части мира...

Двадцать тысяч сгоревших в Нагасиме. Блокада островных укреплений. Месяц без провианта. Осада, голод, штурм за штурмом. Падение замка Отори. Предложение сдать в обмен на беспрепятственное отступление в Хонган-дзи, где защитников Нагасимы уже ждали братья по вере. Ложь, чудовищная ложь – тех, кто поверил демону, перебили у открытых ворот. Последние две крепости стояли насмерть. Упрямец сожгли вместе со всеми, кто находился там.

Триумф Демона-повелителя Шестого неба, врага Будды.

Двенадцать тысяч зарезанных в Этидзэн. Сорок тысяч, проданных в рабство заморским варварам. Кровь, кровь, кровь. Ликование врага Будды, пляшущего на костях. Это я назвал его врагом Будды, вспомнил монах. Да, это сделал я. Я думал, это ослабит Демона-повелителя, опозорит в глазах союзников, заставит их отвернуться. Я ошибся. Я сражался, как умел, вел войска и сыпал проклятиями, но они ложились колосьями под серпом – монахи-воины, мои Прямодушные. Сотни, тысячи, десятки тысяч. В хорошие времена Прямодушные могли выставить в поле до двухсот тысяч бойцов, но это не спасло нас от разгрома. Я, священнослужитель, только и делал, что воевал. На молитвы у меня было мало времени.

Сейчас я беглец, а он победитель.

– О будда Амида, под твоей защитой я живу полной и творческой жизнью...

Звучало как издевка.

Небо горело над монахом. Ирисы и тюльпаны цвели по склонам. Выше росли сосны, скрученные так, словно кто-то вволю посмеялся над ними. В пятнадцати шагах от Кэннэ каменными статуями замерли телохранители. Все они приняли постриг и провозгласили обеты, отказавшись от мира. Все дали клятву служить наставникам, иметь сострадательное сознание, никого не убивать и совершать десять благих деяний. Все были вооружены до зубов: мечи, копья, луки и стрелы. Доспехи, надетые поверх ряс, превращали людей в великанов. Мало кто брил голову, соблюдая монашеские правила. Перевитые синими жилами, руки телохранителей бугрились от мышц. Глаза зорко следили за окрестностями: не крадется ли враг?

Следуя за Кэннэ, телохранители сражались в битвах чаще, чем в те годы, когда они были простыми самураями. Служение такому наставнику плохо уживалось с обещанием никого не убивать. Сострадательное сознание не отменяло святого долга рубить головы направо и налево. Кто-то замыслил недоброе в отношении настоятеля монастыря, которого нет? Смерть негодяю!

Кого нет, подумал Кэннэ. Монастыря? Меня?!

– ...я живу полной и творческой жизнью...

Он не хотел такой судьбы. Да что там! Маленький Коса бегал взапуски со сверстниками и проказничал, таская еду из монастырской кухни, когда скончался его уважаемый отец. Вскоре гонец доставил в обитель императорский указ, не оставлявший места спорам или сомнениям. Власть над великим Хонган-дзи передавалась юному наследнику патриарха, сменившему мирское имя Коса на монашеское – Кэннэ. Фактически вместе с монастырем и титулом главы Истинной Школы Чистой Земли к мальчику отошло и управление провинцией Кага, о чём Кэннэ узнал позже. Рясу нового настоятеля украсили личные гербы с цветком драконова дерева – дальний родственник божественного *микадо*, Кэннэ имел право использовать в гербе знак императорской семьи.

В одиннадцать лет он стал одиннадцатым главой школы. Знамение? Случайность? Насмешка судьбы?! Время, подумал монах. Вечно голодное время, как ты безжалостно!

Где тот мальчик?

– О будда Амида, пусть твои поучения направляют меня в течение дня, руководят моими отношениями, работой и отдыхом...

Десять лет великий Хонган-дзи в Исияма сопротивлялся Демону-повелителю Шестого неба. Десять лет побед и поражений, клятв и измен. Кэннэ не было в стенах обители, когда кольцо осады сомкнулось вокруг святой крепости. Он метался по провинции Кии, от одного князя к другому, стирал язык до корней, пытаясь найти союзников – просил, грозил, обещал. В монастыре, верен традиции, он оставил сына, передав тому руководство осажденным Хонган-дзи. И тут судьба, будто пьяный сказитель, повторила свою давнюю шутку – в монастырь прибыл гонец императора. Божественный микадо требовал немедленной капитуляции. Защитникам вменялось в обязанность покинуть Хонган-дзи, за что им даровалась жизнь, прощение и возврат иных храмов, захваченных во время войны.

– Славься, будда Амида!

Сын Кэннэ подчинился. Отец бы ещё мог сопротивляться, отец славился крутым нравом, а сын не рискнул. Обитатели Хонган-дзи ждали, что их заклятый недруг, Демон-повелитель Шестого неба, поступит так, как уже бывало не раз – презрев волю императора, проявит коварство и вырежет подчистую всех монахов-воинов, едва те окажутся вне крепостных стен. Но нет, демон внезапно явил милосердие, в точности выполнив условия договора. Впрочем, как только монахи покинули Хонган-дзи, монастырь загорелся, подожженный с четырех концов. Огонь достигал облаков, дым скрыл ужасное зрелище от взглядов. Вскоре на месте святой крепости чернела гора пепла.

Одни говорили, что это была месть демона. Другие – что такова воля богов. Третьи кивали на нелепое стечение обстоятельств. Но Кэннэ знал доподлинно: монастырь сжег его сын, не желая, чтобы грозные укрепления достались врагу.

В сыне всё-таки было много от отца.

– О будда Амида! Если в моей стране после обретения мною состояния будды останется место для ада, царств голодных духов и животных, пусть я не достигну высшего просветления!

Эпоха Тэнсё, думал монах, оглядевшись вокруг. Девятый год эпохи. Девиз правления: «Небесная справедливость». Какая тонкая ирония! Куда честней иное название: Сэнгоку Дзидай, «Эпоха воюющих провинций».

Если коротко, резня.

Он прислушался. Под соснами, в отдалении, чтобы не мешать Кэннэ предаваться размышлениям, но и не так далеко, чтобы звук не смог долететь до настоятеля, звучала музыка. Два трехструнных, обтянутых кошачьей кожей сямисэна и бамбуковая флейта-сякухати. Кэннэ неизменно возил за собой трех слепцов, требуя, чтобы они играли, когда он уединяется – насколько уединение вообще было возможно для погрязшего в заботах настоятеля воинственного Хонган-дзи. Случалось, он подзывал их, веля сесть за спиной, или гнал прочь, но даже в этом случае музыканты находились поблизости. Знали: господин скоро позовёт их опять. Без музыки Кэннэ выгорел бы изнутри, но вот уже больше года и музыка не помогала.

– Если в моей стране после обретения мною состояния будды останется место для ада...

Место для ада оставалось всегда.

Эпоха воюющих провинций? Ха! Что там провинции! Школы буддизма воевали ничуть не реже. Это над кузнечиком следует трепетать и сворачивать с дорожки в кусты, чтобы ни в коем случае не раздавить насекомое. В случае же конфликта людей и идей не грех прибегнуть и к мечу, и к злему слову. Школа Чистой Земли – западного рая будды Амиды – утверждала, что спасётся тот, кто днём и ночью славит милосердного Амиду. Истинная Школа Чистой Земли, к которой принадлежал Кэннэ, одобряла регулярное восхваление будды, но отдавала предпочтение доверию и душевному устремлению, без которых слова – пустое сотрясение воздуха. Просто Школа криком кричала, наставляя всех и каждого: добрые дела – путь в рай. Истинная Школа возражала: добрые дела? Кто из нас, грешников, отличит добро от зла? Была бы вера крепка, тогда и деяния станут чище первого снега.

Вера, думал монах. Добрые дела. Восхваление будды. Стремление души. Как верить, если вороны каркают над руинами? Что делать, если кругом ад? Куда стремиться, если надежда утрачена? Играйте, слепцы! Я слеп больше вашего. Дыши, флейта. Всякое дыхание рано или поздно оборвется. Плачьте, сямисэны. Нет для нас Чистой Земли – ни при жизни, ни после смерти.

– Если в момент смерти сознание человека не будет колебаться, он обретет рождение в Стране Высшей Радости...

Кэннэ обнажил меч.

Короткий, длиной в локоть, меч был его величайшей драгоценностью, дороже всего, что принадлежало настоятелю. Плоский, без ребра жесткости, узорчатый по лезвию клинок выко-

вал прославленный оружейник Сэндзи Мурамаса из провинции Исэ – тот, чьи мечи не могли вернуться в ножны, не пролив чью-то кровь. Все от мала до велика знали историю о заочном споре Мурамасы с давно почившим соперником – Окадзаки Масамунэ, величайшим кузнецом прошлого, ушедшим из жизни более пяти веков назад. Ревнуя к славе мертвеца, Мурамаса воткнул в ручей два меча, свой и работы конкурента. Дальнейшее превратилось в легенду: бег воды, мечи торчат из илистого дна, и осенние листья, плывя по течению, в страхе огибают лезвие Масамунэ – или гибнут, распавшись надвое, после встречи с лезвием Мурамасы.

Для монаха итог спора был очевиден. Да, милосердие – алмазная добродетель. Но уцелевшие листья опасны. Они способны вернуться с армией себе подобных. Умирая под шевелящейся грудой листвы, ты пожалеешь, что пренебрег одним-единственным жалким листом.

– Ты победил, демон. Будь проклят – и прощай.

Кэннэ распахнул одежды. Повернул голову, собираясь позвать телохранителя. Вспороть себе живот, уходя с достоинством – полдела. Важно, чтобы человек, которому ты доверяешь, одним ударом отсек тебе голову, избавив от мучений. Любой из телохранителей мог отсечь голову одним ударом, любому Кэннэ доверял, как самому себе, и сейчас он колебался, не зная, кого выбрать.

Ветер коснулся бритой макушки. Взъерошил волосы, которых не было. С остротой чувств, казалось, давно утраченной, Кэннэ ощутил этот ветер, ласковый как ладонь матери. Ясней ясного он вспомнил себя – ребёнка, чьи кудри не знали бритвы, а плечи не согнуло бремя власти. Неземное спокойствие снизошло на монаха. Я умираю, понял он. Мне не нужно для этого вспарывать себе живот. Не нужно просить телохранителя взмахнуть мечом. Да, я умираю, и мне даровано чудо.

Вот он, будда Амида. Я вижу его.

Он пришел забрать меня в рай.

Небо горело над монахом. Качаясь на волнах закатного огня, над горой висел гигантский лотос. Расположенные в два ряда лепестки загибались вверх и вниз. Под ветром они шевелились, словно щупальца медузы в морской воде. На лотосе восседал милосердный Амида, сложив руки для медитации. Тело будды было красней рубина, лишь макушка светилась белизной горной вершины, да сердце пульсировало ярко-синим сгустком между ребрами. Лишенная украшений, подобно рясе скромного инока, одежда цвета солнца развевалась на ветру, но сам Амида оставался недвижим. Чаша для подаяния, полная эликсира бессмертия, висела над ладонями будды. Ни капли не проливалось из неё при самом быстром движении лотоса.

Рот Амиды приоткрылся, символизируя постоянство наставлений. Кэннэ прислушался, но до него не донеслось ни звука. Лишь музыка усилилась, заполняя пространство и останавливая время.

– Славься, будда Амида! – хотел воскликнуть монах.

И не смог.

«В предсмертный час, если помнишь о будде, то удостоишься пришествия. И когда будда воссядет на лотосовом престоле, то развеет слепоту твоей памяти. Так не надо же сомневаться в предначертанном возрождении!»

Забыв, что держит меч, Кэннэ протянул к будде левую свободную руку – и порезался. Гроздью спелых ягод кровь упала на траву. Кэннэ не заметил этого, не почувствовал боли, потому что во взгляде Амиды мелькнула боль стократ сильнейшая, какую не узнать смертным.

Она была как молния, эта боль.

– Три тысячи, – сказал Амида.

Голос его был подобен грому, но гром этот звучал лишь в сердце беглого настоятеля. Вряд ли кто-нибудь в мире, кроме Кэннэ, слышал речь милосердного.

– Двадцать тысяч. Двадцать тысяч.

На глазах будды блестели слезы. Сямисэны и флейта превращали сказанное им в декламацию священных сутр под плач струн и рыдание бамбука. Кэннэ судорожно вспоминал, в каких сутрах говорится об этих тысячах. Три, двадцать, двенадцать? Три тысячи добродетелей? Двадцать тысяч благородных поступков? Двенадцать тысяч шагов к просветлению?!

Память отказывала.

– Энряку-дзи. Нагасима. Этидзэн, – напомнил Амида. – Развалины, руины, прах к праху. Сталь, огонь, ярость. Убиты, убиты, убиты. Как же так?

Это все демон, хотел оправдаться монах. Твой враг!

Хотел и не мог.

– Чистая Земля, – задумчиво произнес будда. – Мечтаете попасть в мой рай, да?

Мечтаем, выдохнул Кэннэ.

– Ты уверен?

О да, согласился монах. Миллион раз да!

– Убитые. Убийцы. Хорошо, будет вам рай.

Хорошо, улыбнулся монах. Будет нам рай.

– Солнце на закате, – сказал Амида.

– Солнце, – повторил Кэннэ.

– Текущая вода, блеск хрусталя.

– Вода. Хрусталь

– Земля, деревья и пруды.

– Земля, деревья и пруды.

– Птицы на деревьях, звуки музыки.

– Птицы на деревьях. Музыка, да.

– Лотосы в прудах.

Монах кивнул. О, лотосы!

– Мой неизмеримый свет.

– Твой неизмеримый свет.

– Ты, рожденный заново в Чистой Земле.

– Я, рожденный в Чистой Земле!

Кэннэ ждал, что сейчас отправится в рай согласно обещанному в сутрах. Сию же минуту! Но нет, все происходило совсем иначе. Он видел, как по слову будды рай опускается с небес на землю. Накрывает сияющим пологом реки, холмы, горы, поля, леса. Впитывается, будто вода в песок, в мир, окружавший Кэннэ. Небесная справедливость растворялась в эпохе воюющих провинций, замещая её собой. Война продолжалась, но теперь в ней были не только ярость и месть, выгода и честолюбие. В ней была справедливость. Война ещё не знала, во что она превратилась, а если бы знала, то содрогнулась бы от ужаса.

– Славься, будда Амида...

Небо горело над монахом. Вокруг монаха.

В сердце монаха.

Меч без возражений вернулся в ножны. Он уже испил крови, и злой дух из числа тех, кого оружейник Мураманэ заточал в свои клинки между слоями стали, был удовлетворен.

Настоятель великого Хонган-дзи в Исияма был уверен, что в этот миг он умер. Он ошибся. Миг прошёл и сгинул, настал другой, третий, десятый, а Кэннэ оставался в живых. Он проживёт еще десять бурных, десять умопомрачительных лет. Будет опала, будет и почет, монастырь восстанет из пепла в новом месте – и Кэннэ вдоволь успеет насмотреться на то, как осуществляется небесная справедливость и чем она отличается от земной.

О да, рай здесь. Вот она, Чистая Земля.

Стремиться больше некуда.

* * *

«В этой стране семь уровней террас, семь рядов деревьев, пруды с чистой водой и разноцветными лотосами. Всё украшено золотом, серебром и драгоценными камнями. С неба шесть раз в сутки идет дождь из цветов. Жители утром собирают цветы и подносят их бесчисленным буддам, а потом возвращаются к своим обиталищам: трапезничают, прогуливаются, слушают пение чудесных птиц, помня об учении и общине.»

Повесть о мертвой старухе и живом самурае

«Карп, напрягая все силы, поднимается вверх по течению, проходит Драконы врата – и становится драконом. Дракон парит в небесах и спускается в морские глубины. Отчего же мне, недостойному монаху, кажется, что дракон ищет новый путь, ведущий против течения, новые врата – чтобы войти в них и опять стать карпом?»

«Записки на облаках»

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса

Глава первая Подарок будды

1

«Это конец. Конец всему...»

Хоронили бабушку Мизуки.

Носильщики стоили денег, а с этим в нашей семье дела обстояли хуже некуда. Погребальные носилки тащили сын и внук покойной: Хидео, стражник почтовой станции на выезде из Акаямы, и я, Рэйдэн, его первенец – оба в чёрных кимоно с семейными гербами. К счастью, если уместно говорить о счастье в минуты скорби, весной я справил праздник совершеннолетия, отметив свой пятнадцатый день рождения. В противном случае хочешь, не хочешь, а пришлось бы раскошелиться на носильщиков – или просить соседей о помощи.

Впереди траурной процессии брёл монах Иссэн, старый настоятель храма Вакаикуса. Лицо его, казалось, было вырезано из коры древней криптомерии. Неподвижность морщинистой маски нарушали только губы – они слабо шевелились, читая священные сутры.

Бабушка Мизуки лежала в гробу, сбитом соседом-плотником из сосновых досок. Верней, не лежала, а полусидела – размещая тело в тесном гробу, больше похожем на ящик, колени бабушки согнули, блюдя традицию, а под спину подложили тюфячок, набитый соломой. Усопшая слегка покачивалась в такт движению. На небо набежали тучи, превратив день в вечер. Вся в белом, с лицом, покрытым густым слоем рисовой пудры, покойница светилась в подступающей мгле. Бродячий певец сказал бы, что бабушка хочет в последний раз оправдать своё имя – «Красивая Луна» – прежде чем пройти через огонь к лучшему рождению. Отец мой не сказал ничего, просто запретил заколачивать гроб крышкой. Уговаривали: встал стеной, закрыл гроб собой.

Махнул рукой: так понесем.

Наверное, хотел, чтобы бабушка попрощалась с миром, который покидает. Она давным-давно не выходила из дома, заперта болезнью в четырех стенах, как в тюрьме. Пусть хоть теперь прогуляется напоследок.

– Убогое, слабое человеческое тело – наш провожатый в поисках просветления...

Настоятель Иссэн возвысил голос:

– Поэтому есть чему радоваться – что родились среди людей...

Следовало торопиться, пока ворота не закрыли на ночь. Смерть – дело нечистое. С ней надо покончить быстрее, совершить все обряды, пока злые духи не слетелись в дом, привлеченные запахом мертвечины. Отложить до завтра? Об этом мой отец, удрученный потерей матери, и думать не хотел. Бледный, угрюмый, с лихорадочно блестящими глазами, он сидел на крыльце и курил трубку. Если спрашивали – отвечал невпопад или просто молчал, прикусив губу.

Я понимал, каково ему, и не жаловался, хотя все хлопоты по устройству похорон легли на меня. Утром я договорился с настоятелем Иссэном, встретив монаха на базаре – он покупал просо и овощи, пока его послушники ходили между рядами с мисками для подаяния. Потом я бегал в городскую канцелярию – подавал прошение властям. Видя слезы на моих глазах, меня пустили к чиновнику без очереди. Я ждал разбирательства и проволочек, но чиновник спешил в ближайшую харчевню. В животе у него бурчало, а все мысли сводились к хорошей порции лапши с креветками – короче, вопреки моим страхам все завершилось благополучно, а главное, быстро. Семья получила разрешение на похороны в Вакаикуса, нас пустили бы обратно в город, даже вернись мы к полуночи. Но я понимал, что лучше не искушать судьбу. Сам стражник, мой отец хорошо знал повадки сослуживцев. Запрут ворота на засов, напьются дешевого sake, захрапят, поди потом дозовись лентяев из караулки...

Взятку станут требовать, мздоимцы.

Дорога свернула направо, пошла в гору. По обочинам, нависая над процессией, росли клены и дубы. Время от времени по склонам катились камни, шурша и постукивая. В такт маленьким лавинам шаркали и стучали пятками оземь ноги мужчин, обутых в соломенные сандалии.

– Если в момент смерти сознание человека не будет колебаться, то обретет он рождение в Стране Высшей Радости...

У меня болели плечи. Но сердце болело куда больше. Я корил себя за дурные мысли и дурные чувства. Любил ли я бабушку? Разумеется. Скорбил о ее кончине? Вне сомнений. Но и скорбь, и гадкая радость, которую я не мог изгнать из головы, как ни старался, выходили неуместными, гнусными, подлыми. В знак траура я перестал брить макушку и распустил волосы, чем был немало огорчен. Я так и не успел привыкнуть к новому статусу. Каждый день, проходя мимо пруда или тайком беря материнское зеркальце, я с удовольствием любовался своей замечательной взрослой прической. Где ты сейчас, красивый узел волос на темени?! Одни лохмы висят.

И макушка заросла неопрятной щетиной.

Горевать следовало о бабушке, а не о прическе. А уж радоваться не следовало вообще. Тем не менее, вспоминая, как отец все свободное от службы время проводил у постели матери, как Хидео, почтительный сын, самурай низкого ранга с нищенским жалованьем в двадцать *коку*¹ риса, тратил последние деньги на лекарства для больной родительницы, как он плакал ночами, закусив рукав и думая, что его никто не слышит...

Надрываясь под тяжестью погребальных носилок, я искренне считал, что для нашего семейства здоровая бабушка была гораздо лучше больной, а мертвая бабушка стала гораздо лучше живой. Я бы вспорол себе живот за такие отвратительные мысли. Но делать этого не стоило: самоубийство сына могло бы свести в гроб отца, а мать лишило бы рассудка.

– Хидео-сан!

---

¹ *Коку* – традиционная японская мера объёма (около 180,39 литра). В пересчёте на вес в одном коку содержится прим. 150 кг риса. Это усреднённая годовая норма потребления риса одним человеком. Жалование чиновников, служащих и военных исчислялось в коку риса (реже в деньгах).

Сам не знаю, зачем я окликнул отца. Он шел первым и все равно не смог бы обернуться – с носилками-то на плечах! Он и не обернулся, не откликнулся. Продолжал идти мелкой семеницей поступью: должно быть, у него болели колени. У отца часто болели суставы к дождю.

Не слышит, понял я.

В просвете между деревьями мелькнула трехъярусная крыша храма. Красная, с карнизами, украшенными позолотой, она ярко выделялась на фоне темной зелени. Настоятель Иссэн возвысил голос, изредка срываясь на кашель. Послушники застучали молитвенными трещотками. Ощувив прилив сил, я ускорил шаг. Скоро все закончится. Бабушка упокоится с миром, а злые духи улетят прочь – и перестанут нашептывать разные гнусности.

Вот и храм.

Про Вакаикусу говорили, что храм воздвигли на том самом месте, где сто лет назад знаменитому Хонган-дзи Кэннэ явился будда Амида. С этого места – и с этого часа! – Страна Восходящего Солнца начала свое превращение в Чистую Землю, изменив судьбы людей, живущих здесь, до неузнаваемости. Красный цвет храмовой крыши символизировал цвет тела будды Амиды, а также капли крови, пролитые Кэннэ на траву, когда он порезал руку мечом. Сам же храм красили в зеленый цвет, оправдывая название: Вакаикуса значило «молодая трава».

Посвящен храм был милосердной Каннон, спутнице будды Амиды.

При ближайшем рассмотрении становилось заметно, что мало кто балует Вакаикусу щедрыми подношениями. Столбы ворот облупились, пошли трещинами, а воротная крыша грозила обрушиться на головы паломников в любой момент. Позолота храмовых карнизов большей частью осыпалась, красную краску подновляли редко: на общем, потускневшем с годами фоне выделялись яркие багровые пятна.

Процессия вошла в ворота.

– Туда, – указал рукой старый настоятель.

Стараясь не кряхтеть, мы с отцом установили носилки – так, чтобы бабушка Мизуки лежала головой на север. Послушники оставили трещотки в покое и кинулись обкладывать гроб вязанками сухого хвороста. Настоятель Иссэн присел на крыльце храма, давая отдых усталым распухшим ногам. Сидел он недолго – приняв у отца священные предметы, старик уложил нож на грудь покойной, дабы злые духи боялись приблизиться к телу, а сандалии и горсть медяков – рядом с бабушкой, чтобы ей было в чём добраться до священной реки Сандзу и чем заплатить за перевоз.

– Алтарь, – хмурясь, напомнил Иссэн.

Бегом кинувшись в храм, послушники вернулись с маленьким переносным алтарем. Настоятель возжег благовонные курения, наполнил мисочки рисом, водой и солью, после чего опять принялся бормотать сутры.

Начался дождь: мелкий, колючий. Послушники ёжились, втягивали затылки в плечи. По знаку Иссэна они стали поливать отсыревший хворост маслом. На лице отца капли воды мешались со слезами. Уже нельзя было разобрать, где вода, где слезы. Отцовские черты окаменели, утратили всякое выражение. Не лицо, черепаший панцирь. Казалось, плачет не он, а кто-то другой. Ни всхлипа, ни стоны – губы срослись в бледный шрам.

Я боялся на него смотреть. Хотел отвернуться и не мог.

– Вот и все, – пробормотал отец, становясь на колени. – Это конец.

Я кивнул, опускаясь рядом.

Оставалось дожидаться костра, уносящего бабушку в лучший мир, и вернуться домой. Настоятель обещал захоронить прах на крошечном кладбище позади храма и поставить могильный камень с новым, посмертным именем бабушки – чтобы нам было куда приходиться для поминовения.

– Это конец. Конец всему...

Мы еще не знали, что смерть бабушки – это начало.

«Он украл моего мужа!»

Ветхое одеяло отлетело в угол. Я сел, заморгал спросонья. Судорожно сжимая кулаки, я пытался понять, что меня разбудило. Какой-то шум? Крик?

– Прочь! Не прикасайся!

«Матушка? – едва не крикнул я в ответ. – Что случилось?!»

Дурацкие, недостойные взрослого мужчины вопросы! Не издав ни звука, я вскочил и метнулся к выходу из комнаты, по дороге набрасывая на плечи долгополое верхнее кимоно. Снаружи занимался рассвет. Сквозь щели в бамбуковых ставнях робко сочилась серая дымка, превращая кромешную темень в сизую мглу. В освещении я не нуждался. Ладони безошибочно легли на две плети, малую и большую, висевшие на крючках у входа. С тихим шелестом скользнула в сторону лёгкая дверь.

– Нет! Не трогай меня!

В доме чужак? Грабитель?

Где отец? Почему не защищает маму?!

В коридоре тьма была плотной, осязаемой – хоть ножом её режь. К счастью, родной дом я мог обойти с завязанными глазами. Что уж говорить о трёх шагах по коридору? Разворачивать плети я не стал: слишком тесно. Тяжелые рукояти из дуба – одна длиной в локоть, другая в полтора – более подходящее оружие для схватки в тесноте жилища. Выставив малую плеть перед собой и отведя большую для удара, я шагнул к родительской спальне.

Войти я не успел.

С отчаянным треском дверь сломалась под напором тяжелого тела. Порвалась туго натянутая бумага, рама рассыпалась на отдельные рейки. Кто-то с размаху налетел на меня, сбил с ног. Больно ударившись копчиком об пол, я в ответ взмахнул плетью – и чудом успел остановить удар в последний миг.

Меня оглушили рыдания.

– Матушка?

– Это не он! Не он!

Мать опрометью бросилась прочь по коридору.

– Кто? Что?!

– Убийца! Мой муж убийца!

Я не увидел – скорее ощутил движение в темноте. В дверях спальни стоял мужчина. Знакомая с детства смесь запахов: крепкий табак, масло для волос, жевательная смола.

– Отец? Что происходит?!

– Ничего. Повесь плети на место.

– В доме грабитель?!

– Нет.

– Это не он! Боги, за что?!

В конце коридора мелькнул тусклый свет – мать выбежала на веранду.

– Что с матушкой?!

Отец тяжело вздохнул.

– Она не в себе.

– Вор! – голосила мать во дворе. – Он украл моего мужа! Вяжите его!

Вот уж верно говорят: землетрясение, гром, пожар и родители.

«Вы готовы сделать официальное заявление?»

– Это не он! Это не мой муж!

Мать отказывалась возвращаться в дом. Упав на колени посреди двора, раскисшего от ночного дождя, в серо-жёлтом хлопковом покрывале, накнутом на голое тело, она спрятала лицо в ладонях. Раскачиваясь из стороны в сторону, мать выла на одной ноте, бесконечной и заунывной, словно собака по умершему хозяину.

– Да нет же, матушка! Это он!

– Нет! Нет!

У ног матери, хватая её за колени, ползала служанка О-Сузу. Рыдала, уговаривала не позориться, вернуться в дом. Мать не слушала, рвала на себе волосы.

– Ну посмотри сама!

– Нет! Я знаю!

От тоскливого воя мне хотелось зажать уши и бежать куда глаза глядят. Все попытки образумить мать, так же как и старания О-Сузу увести хозяйку в дом, пропадали втуне. Отец стоял на крыльце, не вмешивался. Хмурился, молчал; глядел в сторону. Он успел полностью облачиться для выхода на службу: строгое тёмно-лиловое кимоно без рисунка, чёрные штаны-хакама, лёгкий нагрудник с острыми крыльями наплечников. Поверх – форменная накидка с гербами городской стражи: три золотые стрелы в лазоревом круге. На плече – красная нашивка старшины караула. За поясом – пара свёрнутых плетей, оружие самурая; рядом – кольцо волосяной верёвки.

Старую соломенную шляпу отец держал в руках.

Близился к концу час Тигра.² Медленно, с явной неохотой город проступал сквозь зябкий утренний туман. Взгляду явились дома соседей на другой стороне улицы. Ближе к перекрёстку из белёсого моря вздымалась тёмная скала – верхушка квартальной пожарной вышки. Если иметь острый взор, на ней можно было различить наблюдателя. Я не сомневался: сейчас наблюдатель, привлечён криками и воем матери, презрел свои обязанности и глядит исключительно на дом опозоренного семейства Торюмон.

Да и он ли один?

Я улавливал смутное движение за оградами: слева, где стоял дом пожилого зеленщика Ацуши, справа, где жила семья плотника Цутому. Вот загорелся фонарь, другой, третий; вот вспыхнул факел. Даже если сам Цутому, проявляя свойственную ему деликатность, делает вид, что скандал его нисколько не интересует, то жена плотника наверняка припала глазом к щели в заборе. Высматривает подробности, предвкушает, как будет сплетничать о случившемся со своими многочисленными подругами.

– Свекровь! – услышал я голос сплетницы.

– Что? – откликнулся плотник.

Спросонья он хрипел.

– Свекровь похоронила, вот и радуется. Пляшет...

– Какое там «радуется»? Горюет, кричит.

– Радуется, дурочина! Кто же по свекрови горюет?

---

² Примерно с 4 до 6 часов утра.

Мне было отчаянно стыдно за мать. Вдвое больше я злился на самого себя, на свою никчемность и неспособность выправить ситуацию. Не силой же тащить мать в дом, в конце-то концов?!

– Почему, матушка? Почему вы решили, что отец – не отец?!

– Не могу! Не могу!

Мать голосила, заламывая руки.

– Чего вы не можете?

– Не могу сказать! Стыжусь!

– Да что ж такое?! – в сердцах воскликнул я, теряя терпение. – Что на вас нашло, а?!

Ответа я не дождался: мать снова принялась выть. Связать её, что ли? Со стороны Вака-икуса, увязая в ватной пелене, глухо долетели удары храмового колокола. Час Тигра кончился, наступил час Зайца.³

– Мне пора на службу.

Отец направился к воротам – и замер, услышав стук снаружи.

– Нижайше прошу извинить меня за беспокойство, – я узнал голос настоятеля Иссэна. – Кажется, вам необходима помощь?

– Входите, Иссэн-сан.

Отец открыл ворота. Он с почтением поклонился старому настоятелю, я поспешил сделать то же самое. Жестом отец пригласил монаха во двор. Мать вдруг перестала выть, обратила к настоятелю опухшее от слёз лицо. В мольбе протянула к гостю руки:

– Иссэн-сан! Вы святой человек! Живой будда!

– Вы преувеличиваете, госпожа Хитоми.

– Это ведь не он, видите?

– Вы уверены?

Настоятель сцепил сухие пальцы перед грудью. Склонил голову набок, заглядывая в лицо женщине.

– Да! Это не мой муж!

Монах перевёл взгляд на главу семейства. Я невольно тоже посмотрел на отца. Он был мрачен и тёмн лицом. Меж кустистых, сведенных к переносице бровей залегла глубокая складка. И было отчего! Не каждый день твоя собственная жена прилюдно называет тебя чужаком, позоря семью! Отец с вызовом глядел на монаха: «Вот он я! Тот, кого вы знаете многие годы! Мне скрывать нечего.»

Настоятель повернулся к моей матери.

– Вы считаете, что случилось *фуккацу*? В теле вашего мужа – другой человек?

– Да!

Мать вновь разразилась рыданиями.

– И вы готовы сделать официальное заявление?

– Да, – выдохнула мать между всхлипами.

Настоятель с сожалением развёл руками:

– Я буду вынужден отправить послушника в службу Карпа-и-Дракона. Сочувствую вам, Хидео-сан, но вы знаете закон.

Отец пожал плечами:

– Делайте, как считаете нужным. А мне надо идти.

– Понимаю, Хидео-сан. Долг превыше всего. Будьте готовы, что дознаватель вызовет вас со службы для проведения следствия. Вероятно, он позовет и ваших сослуживцев – как свидетелей. Предупредите господина Хасимото, начальника городской стражи, пусть вам подготовят

---

³ Примерно с 6 до 8 часов утра.

срочную замену в случае необходимости. Я буду молиться, чтобы всё разрешилось как можно скорее – и без ущерба для вашего доброго имени.

– Благодарю, Иссэн-сан.

Кивнув, отец вышел за ворота.

Настоятель задержался. Мягкий добродетельный человек, кормивший птиц с руки – когда ситуация требовала того, Содзю Иссэн мог быть очень убедительным. Я это знал лучше других: с восьми лет отец отправил меня в храм учиться грамоте, истории, искусству счета. Если настоятель сумел вдолбить науку в такого бездаря, как ваш покорный слуга, то что же говорить о слабой обезумевшей женщине? Не прошло и пяти минут, как он уговорил мать вернуться в дом и привести себя в порядок перед визитом дознавателя. Провожая монаха до ворот, я впервые подумал: что, если мать права? Вдруг ей не примерещилось? Что, если отец – и не отец вовсе...

«Вы считаете, что случилось *фуккацу*?»

Я похолодел. Казалось, в животе начала таять глыба ноздреватого льда.

4

«Записки на облаках», сделанные в разное время монахом Иссэном из Вакаикуса

Если спросить знатного князя, владетеля провинции с доходом в миллион коку риса, что изменилось в мире с того момента, когда будда Амида явился монаху Кэннэ, князь ответит одним словом:

– Фуккацу!

Если спросить учёного судью, познавшего законы земные и небесные, не чуждого милосердия, но и не чурающегося жестокости, что же принёс людям будда Амида сто лет назад, откликаясь на молитву яростного сердца Кэннэ, настоятеля монастыря Хонган-дзи – судья произнесёт одно-единственное слово:

– Фуккацу!

Если же задать этот вопрос бродяге с грязными ногами, не знающему грамоты и службы, далекому от ремесел и наук, смеющемуся над богами и людьми, бродяга замедлит шаг и поднимет палец к небу:

– Фуккацу!

И все будут правы.

Воскресение⁴ – вот что принёс будда Амида в дар настоятелю Кэннэ, а вместе с ним и всем нам, населяющим здешние острова.

Многие надеялись на воскресение в Западном раю. Эта надежда жива по сей день. После смерти, случившейся естественным путем, от старости, болезней или несчастного случая, у каждого есть шанс попасть в Страну Высшей Радости. Чти будду при жизни, повторяй днем и ночью: «Славься, будда Амида!» – и будет дано тебе.

Вспори себе живот, перережь горло, совершая благородный обряд *сэнпуку*, кинься на камни со скалы или утопись в реке, если жить тебе стало невмоготу – к тому, кто своей рукой свел счеты с жизнью, желая уйти с честью, в миг смерти явится будда Амида, забрав самоубийцу в райские пределы.

---

⁴ *Фуккацу* – воскресение, восстановление.

Но подними руку на врага или соседа, лиши жизни злодея или поджигателя, убей кого угодно чем угодно, имея такое намерение или при неблагоприятном стечении обстоятельств...

Фуккацу!

В течение трех дней убитый возродится в теле убийцы. Душа же убийцы отправится прямиком в ад, на потеху демонам.

Подарки будд не доступны нашему скудному пониманию. Слова будд – притчи, чей смысл туманен. Что же говорить про их действия, подобные удару молнии? Неистовый Кэннэ хотел покончить с собой, не в силах более купаться в огненном море войн. Он достиг цели, сделал частное общим: войны прекратились.

Это произошло не сразу, но быстро, очень быстро. Честолюбивые князья и гордые самураи ударились медными лбами в подарок будды Амиды с такой силой, что звон пошел по всей Чистой Земле. Мечи упали в ножны, копья спрятались в чуланы, стрелы заснули в колчанах. Вспороть живот себе или врагу – что ни сделай, теперь это означало смерть для того, кто обнажил клинок. Впрочем, смерть бывает разной. Если самоубийца уходил в рай – или к новому рождению – с гордо поднятой головой, то убийца вкушал вечный позор, отдав в распоряжение убитого свои руки и ноги, голову и сердце, как побежденный князь отдает свою вотчину победителю.

Бери и владей!

Люди привыкают ко всему, даже к жизни в раю. Привыкли и мы. Жизнь наладилась, обустроилась, обрела новые очертания. Никто даже не представлял, сколько убийств совершалось в прошлом – и сколько причин, мотивов, обстоятельств было у каждого. В большинстве случаев все было ясно сразу, без предварительного расследования. Убил? Отдал тело убитому? Фамилия, имя, сословие, должность. Оставалось выслушать решение властей и закрепить в документе статус перерожденца.

Но где есть большинство, там сыщется и меньшинство.

Известна ли вам легенда о карпе, плывущем против течения? Поднимающемся вверх по водопаду? Ну конечно же, известна. Не вы ли рисуете картинки с упрямцем, движущемся вперед – любой ценой, сквозь брызги и пену? Развешиваете на ветру флажки с этим героическим пловцом?! Воспеваете его самоотверженность и отвагу, стойкость и силу?! Дети, говорите вы сыновьям на пороге совершеннолетия, помните о карпе – примере выхода из самых безнадежных ситуаций!

«Где же выход? – спрашивают мальчики. – Где он?»

Глаза их горят.

«В конце трудного пути наш карп, – отвечаете вы, – проходит через Драконьи врата. Он становится драконом, вознесясь на небо.»

Карп становится драконом, убитый – убийцей.

Земля – не то место, где следует искать абсолютной чистоты. Взывая к будде Амиде, настоятель Кэннэ допустил ошибку – порезался мечом. Злой дух, запертый в клинке, возликовал; кровь, пролитая в момент сошествия Чистой Земли, запятнала её белизну. Новый кармический закон воссиял нам, но нашлись люди, которые не отвратились душой от убийства ближнего. Вольно или невольно, ради чести или выгоды, они ищут лазейки, стараясь этот закон обойти.

Фуккацу!

Всеми случаями фуккацу, которые требовали дополнительного расследования, занималась служба Карпа-и-Дракона.

«Что же делать?»

Отец вернулся к полудню вместе с двумя сослуживцами.

К его возвращению я весь извёлся. Не находя себе места, я мерил шагами двор, нырял в дом, стремительно проходил его насквозь – и оказывался в крошечном саду. Казалось, сад тоже сжался и поник от ощущения беды, нависшей над семьей Торюмон. Горбились две сакуры, качалась старая слива. Туман редел, оседал на ветвях и листьях – капли росы, бисер влаги. Сырость насквозь пропитала беседку в дальнем углу. Я зябко передёргивал плечами, плотнее запахивал волглое кимоно и кружил по знакомым до последнего камешка дорожкам, не в силах остановиться.

«Ты самурай! Взрослый мужчина!»

Нет, не помогало.

«Стыдись! Ты должен сохранять спокойствие!»

Спокойствие? Меня трясло.

Я уходил в дом, садился на циновку, закрывал глаза. Пытался расслабиться, ввести дыхание в естественный ритм, очистить разум и погрузиться в медитацию. Так меня учил настоящий Иссэн. За те годы, в течение которых я, считай, ежедневно являлся в храм Вакаикуса, я многое узнал от старого монаха. Но сегодня стало ясно, что наука Содзю Иссэна не пошла глупому Рэйдену впрок. Тревожные мысли кипели во мне, словно заполошная крикливая толпа – в тесном переулке. Выдворишь одних – их место занимали другие. А может, те же самые, злодейски сменившие обличье.

Вдруг мать права?

Если ей не почудилось – значит, отец кого-то убил. Теперь дух убитого воплотился в теле убийцы, вышвырнув отца – настоящего отца! – в мрачное царство князя Эмма, куда отправляются души умерших. А уж там убийце воздастся по заслугам!

Нет, не может быть! Убийца? Отец – честный самурай, верный долгу и службе! Даже если бы он кого-то убил – он бы не стал этого скрывать. О чем я думаю?! Пустая башка! Он бы и не смог это скрыть, как бы ни старался. В первый же день после убийства мы бы всё поняли. Я видел отца на похоронах бабушки, он был обычный, такой, как всегда. И потом...

Но если отец – это отец, если он никого не убивал... Выходит, мать повредила рассудком? Ею овладели беспокойные духи? Она видит то, чего нет? Мало судьбе того, что умерла бабушка Мизуки! Теперь ещё отец...

Или мать? Кто из них?!

Что же делать?

Глава вторая Жареный тунец с имбирём

1

«Вы отрицаете перерождение?»

– Матушка в доме. Она переделалась и ждёт дознавателя.

Я поклонился отцовым сослуживцам.

– Хорошо, – кивнул отец.

Тон и весь вид его говорили об обратном: ничего хорошего в происходящем глава семейства не видел.

– О-Сузу, приготовь гостям чай.

Не успела служанка броситься выполнять распоряжение хозяина, как в ворота требовательно постучали.

– Кто там?

– Сэки Осаму, старший дознаватель службы Карпа-и-Дракона.

В низком рокочущем басы звучала неотвратимость закона. Я отметил, что редко когда имя и голос человека настолько соответствуют друг другу.⁵ А ещё – занимаемой им должности.

Отец распахнул ворота:

– Добро пожаловать, досточтимый Сэки-сан.

– Я рад, что вы дома, Хидео-сан. Так за вами не придется посылать.

– Мы вас ждали.

Дознаватель, дородный мужчина лет пятидесяти, был облачён в темно-синее кимоно из шёлка, украшенное тонким золотым узором. На груди слева, над сердцем, красовался герб службы: стилизованное изображение карпа и дракона, перетекающих друг в друга, подобно буддийскому символу Инь и Ян. На голове – высокая чёрная шапка государственного чиновника. Рукояти плетей за поясом обтянуты шершавой кожей ската в оплётке из шёлковых шнуров – тоже золото и густая гроздовая синева. Рано поседевшие брови срослись на переносице, из-за чего лицо дознавателя – резкие складки у рта, щеки обвисли – имело брюзгливый вид. Взгляд из-под полуприкрытых век был внимательный, цепкий. Похоже, Сэки Осаму подмечал любую мелочь и откладывал про запас – до тех пор, пока эта мелочь не понадобится.

– Торюмон Хидео, – представился отец, хотя в этом не было надобности. – Мой сын Рэйдэн. Мои сослуживцы Икэда Наоки и Нисимура Керо. Я привел их в качестве свидетелей, желая избавить вас от лишних хлопот.

Мы по очереди поклонились чиновнику. Когда я вновь поднял взгляд на дознавателя, в ворота за его спиной вошли двое. Одним был настоятель Иссэн, другим же...

Длинная грубая накидка с капюшоном. Пояс – прочная верёвка. Из-под капюшона вместо человеческого лица на меня уставилась рыба голова. Покрытая капельками росы, голова отблёскивала тусклой медной чешуёй, пучила белые эмалированные глаза с черными дырами зрачков, приоткрывала губастый рот.

Под служебной маской карпа скрывался *каонай*.

Безликий.

---

⁵ Сэки – застава, барьер; Осаму – твёрдость закона.

Живое напоминание о воздаянии за попытку обойти закон кармы, дарованный нам милосердным буддой Амидой. Парии, отщепенцы, отверженные – даже к нечистым *эта*⁶ и лишённым сословия *хинин*⁷ относились лучше, чем к мерзким *каонай*. Бывшие люди, лишённые не только сословия и чести, но также лица и имени. Единственные, кого можно убить безнаказанно – так веками убивали друг друга наши предки до сошествия Чистой Земли на острова Восходящего Солнца. Убить – и остаться самим собой, а не стать вместилищем для духа убитого, предоставив ему возможность жить вместо тебя.

Впрочем, убивали *каонай* редко: люди не желали марать о них руки.

И вот эту дрянь – язык не поворачивался назвать безликого человеком! – старший дознаватель Сэки привёл с собой в наш дом!

Лицо отца затвердело. Глава семьи скрыл гнев под личиной спокойствия, но я-то хорошо видел, каких трудов ему это стоит. Как же я понимал сейчас отца! Увы, мы ничего не могли сделать, находясь полностью в воле дознавателя. Обычно лицо *каонай* – серая морщинистая маска, заменявшая им лицо – было замотано тряпкой с двумя дырами для глаз. «Тряпичника» мы, не раздумывая, погнали бы прочь плетью – что делали все достойные люди, едва завидев безликого в приличном квартале! Но медная маска карпа свидетельствовала: этот *каонай* находится на службе. Его нельзя побить, прогнать, облить – во всех смыслах – грязью без серьёзных последствий для забияк.

– Прошу почтить своим присутствием моё скромное жилище, досточтимый Сэки-сан, – учитывая сложность положения, вежливость отца была на высоте. – Прошу и вас, уважаемый Иссэн-сан.

На безликого в рыбьей маске отец не смотрел, словно его здесь и не было. Я изо всех сил старался следовать примеру отца, но взгляд нет-нет, да и возвращался к долговязой фигуре. *Каонай* следовал за старшим дознавателем как на привязи; мой же взгляд следовал за ним самим. Так человек спешит отвернуться от нищего калеки или прокажённого – и невольно, с болезненным любопытством, оглядывается.

Мне было стыдно, очень стыдно. Но я ничего не мог с собой поделать. От этого я стыдился и злился ещё больше. Я чуть не забыл, зачем дознаватель вообще явился к нам домой.

– Желаете чаю?

– Благодарю, нет. Уверен, нам всем хотелось бы как можно быстрее разобраться в сложившейся ситуации. Дело не слишком приятное, следует покончить с ним.

Это не был ритуальный вежливый отказ, положенный при церемонии встречи гостя. Сэки Осаму говорил откровенно, с грубоватой прямоотой, за что я был ему благодарен всем сердцем. Действительно, чем быстрее он разберётся с нашей бедой – тем лучше.

– Как вам будет угодно, Сэки-сан. Если вы передумаете – только скажите.

– Вы очень любезны. Итак, мне сообщили, что ваша жена публично объявила вам о подозрении на фуккацу. Она полагает, что имело место незарегистрированное перерождение, и в вашем теле находится другая личность.

– Так и было.

– Что именно?

– Жена объявила мне подозрение.

– Вы отрицаете перерождение?

– Отрицаю. Я – Торюмон Хидео, старшина караула...

Дознаватель остановил отца:

---

⁶ *Эта* – неприкасаемые, чья жизнь и работа связаны с грязью и смертью: мясники, кожевники, мусорщики, уборщики нечистот, собиратели трупов.

⁷ *Хинин* – неприкасаемые, лишённые сословия. В хинин человека могли перевести временно, в наказание за преступление, вернув сословное достоинство по истечении срока. Но имелись и постоянные (урождённые) хинин.

– Не сейчас, Хидео-сан. Будем придерживаться установленной процедуры. На предварительном этапе мне достаточно вашего отрицания. Ваша жена назвала причину, почему она заподозрила перерождение?

Отец замялся, прикусил губу.

– Я настаиваю на ответе, – дознаватель нахмурился. – Говорите!

– Нет, не назвала.

– Почему?

– Сказала, что стыдится. Она не назвала причину, но я догадываюсь.

Черты Сэки Осаму затвердели:

– Прошу вас, изложите свои догадки.

– Вы настаиваете?

– Да. В противном случае я уйду, а вас накажут за ложный вызов.

Отец покосился на сослуживцев, топтавших за его спиной. Нисимура понял намёк и поспешил отойти прочь, к деревянному навесу. Менее сообразительный Икэда замешкался, и Нисимура увлек его за собой. Отец глянул на меня. На отцовском лице отразилось сомнение.

Кажется, он гадал:

«Отослать сына к навесу? Объясниться с дознавателем с глазу на глаз? Или разрешить мальчику слушать?»

Пауза неприлично затягивалась. Не придя к однозначному решению, отец заговорил, понизив голос. Мне не терпелось узнать, что же произошло между отцом и матерью, и я остался стоять, где стоял. Отвернулся, делая вид, что разговор меня несколько не интересует, и принялся ловить каждое слово, благо со слухом у меня всё было в порядке.

– Похоже, сегодня ночью я повёл себя не так, как ожидала моя жена.

– Продолжайте.

– У нас в семье траур...

– Кто умер? – быстро спросил дознаватель.

– Моя мать.

– Возраст вашей почтенной матери?

– Шестьдесят два года. Она долго болела, все могут подтвердить...

– Это лишнее. Примите мои соболезнования.

– Благодарю вас.

– Продолжайте.

– Я проснулся в час Тигра. Это недостойно мужчины, но я вспомнил мать, – отец помолчал, собираясь с силами. – Я расплакался. Мне очень стыдно, Сэки-сан. Я должен был держать себя в руках.

– Ваши слезы говорят о сыновней почтительности. Любой порядочный человек плачет, вспоминая умершую мать. Дальше!

– Жена проснулась. Она обняла меня, желая утешить, – отец встал ко мне спиной. – Я обнял её в ответ, и тут... Извините за такие подробности, но я вдруг ощутил желание. Я ничего не мог с собой поделать. Вероятно, жена заметила мое состояние. Простите, что рассказываю вам это...

– Вы правильно сделали, что отослали сослуживцев, Хидео-сан. Я – другое дело. Я обязан вас выслушать до конца, что бы вы ни сказали. Заверяю, ваш рассказ полностью в рамках приличий.

– Моя жена вырвалась. Она кричала: «Прочь! Не трогай меня! Ты не мой муж!» Я пытался её успокоить, но мне это не удалось. Да, мне не следовало так вести себя во время траура. У моей жены были причины укорить меня. Но я не ожидал...

Дознаватель кивнул:

– Благодарю вас за откровенность. Теперь мне нужно поговорить с вашей женой. Проводите меня к ней. После этого я приступлю к официальному дознанию.

2

«*Два года не всходила луна...*»

– Итак, заявительница – Хитоми из семьи Торюмон?

– Да, господин

– Жена стражника Хидео?

– Да, господин.

– Под подозрением – ваш муж?

– Да, господин.

Дознание Сэки Осаму решил проводить в саду за домом: под открытым небом, подальше от досужих глаз и ушей. На площадке для занятий боевыми искусствами, расположенной неподалеку от беседки, хватило места всем. В свидетели, кроме сослуживцев отца, пригласили соседа – пожилого зеленщика Ацуши, надувшегося как пузырь от важности своей миссии.

Свидетельствовать по обвинению в фуккацу – не шутка! Будет о чем порассказать и внукам, и правнукам.

О-Сузу принесла из дома ворох старых циновок, расстелив их на площадке. У безликого слуги обнаружился коврик, свёрнутый в тугой рулон и заткнутый за пояс сзади. На него *каонай* и уселся, достав из потёртой сумки принадлежности для письма: кисти в деревянном футляре, походную тушечницу из красной меди, гладкую кипарисовую дощечку и стопку листов рисовой бумаги. Господин Сэки поручил ему вести протокол дознания. Похоже, в прошлой жизни, до того, как нарушить закон кармы в корыстных целях, безликий не только имел лицо и имя, но и был обучен грамоте.

Зябкая сырость сменилась влажной духотой. Армия туч взяла небо в осаду, не позволяя ни единому лучику солнца пробиться к земле, превратившейся в огромную баню. При малейшем движении мое тело покрывалось испариной. Лишь редкие порывы ветра приносили какое-то облегчение.

– Действия вашего уважаемого мужа показались вам необычными?

– Да.

– Почему, Хитоми-сан?

Я оценил деликатность господина Сэки.

Мать смущённо опустила взгляд, не в силах заставить себя взглянуть на собравшихся вокруг мужчин. В праздничном оливковом кимоно, расшитом белыми хризантемами, с тщательно уложенной причёской и лицом, выбеленным рисовой пудрой, смешанной с соком камелии, мать легко сошла бы за безмятежную хозяйку дома, радушно принимающую важных гостей. Увы, ее выдавала дрожь рук, взгляд, опущенный в землю, и голос, подобный тихому журчанию ручья.

Я видел: мать едва держится, чтобы не разразиться горестными рыданиями.

– Мой муж очень любил свою матушку. Когда она умерла, он был сам не свой. А тут... Не прошло и пяти дней! До того он...

Мать замолчала.

– До того? – старший дознаватель вздёрнул бровь. – Что вы имеете в виду?

– Два года не всходила луна над ущельем в горах, – шёпот матери был едва слышен. – Лишь в скорбный час она явилась вновь...

Свидетели захихикали, прикрывая рты ладонями. Я чуть не сгорел от стыда. Провалиться сквозь землю, в девятый ад – и то было бы легче. Грязное бельё семьи вытащили для публичного осмотра! «Два года не всходила луна...» *Каонай* все записывал, ловко орудуя кистью, и мне захотелось убить писца. Это он-то безликий? Это мы только что потеряли лицо...

Дознаватель учтиво склонил голову:

– Благодарю вас, – вне сомнений, он отлично понял, на что намекает мать. – Значит, два года луна не всходила? И вдруг взошла? Основания достаточны. Объявляю начало дознания!

Он выпрямился, воздел руку к небу:

– Сейчас я буду задавать вопросы подозреваемому. Потом вопросы зададут свидетели. Внимательно слушайте ответы! Если кто-то из присутствующих сочтёт, что ответ не соответствует истине, он должен об этом заявить вслух.

Господин Сэки повернулся к моему отцу. Сейчас его устами вещал Закон.

– Подозреваемый, назовите себя.

– Торюмон Хидео.

– Кем были ваши родители?

– Отец – Торюмон Изао, стражник у западных ворот. Мать – Торюмон Мизуки, урождённая Ивамото.

– Ваши родители живы?

– Нет.

– Подробнее!

– Отец умер восемь лет назад. Мать – пять дней назад.

– Сколько лет было вашей матери?

– Шестьдесят два года.

– Причина ее смерти?

Дознаватель походил на скалу над морем, которая вдруг обрела дар речи. Полная неподвижность, каменное выражение лица – хотел бы я быть таким! – и лишь узкая расщелина губ извергает наружу басовитый рокот. Даже ветер не осмеливался трепать кимоно господина Сэки.

Глаза дознавателя, глубоко утопленные в пещерах глазниц, неотрывно следили за подозреваемым. Так следят за противником, опасаясь, что он в любой момент способен нанести удар.

– Моя досточтимая матушка хворала весь прошлый год. Ей было трудно дышать, она жаловалась на боли в груди. Последние шесть месяцев она почти не вставала с постели. В конце ей стало хуже. Я делал что мог...

– Как она умерла?

– Быстро. Лекарь говорил: сердце. Наверное, он был прав.

Отец сидел прямо, с достоинством, не сутулясь. Приняв позу открытости Небесам, он положил руки на колени ладонями вверх, как бы говоря: «Мне скрывать нечего!»

– Есть заключение о смерти?

– О-Сузу, принеси досточтимому господину дознавателю заключение о смерти Мизуки-сан. Оно хранится в нашей спальне. Шкафчик у окна, левый верхний ящик.

Когда служанка с поклоном вручила свиток господину Сэки, тот быстро пробежал его глазами. Прочитировал вслух финальное заключение: «Смерть по естественным причинам». Кивнул безликому слуге: занеси, мол, в протокол.

– У меня больше нет вопросов, касающихся ваших родителей, Хидео-сан. Кто сейчас входит в вашу семью?

– Моя жена Хитоми.

– Урожденная?..

– Урождённая Фудзимото, тридцати пяти лет. И мой сын Рэйдэн, пятнадцати лет с небольшим.

– Они здесь?

– Да.

– Укажите их.

Отец показал сперва на мать, затем на меня.

– Слуги?

– Только О-Сузу. Вот она стоит.

О-Сузу кивнула, подтверждая слова хозяина.

– Ваше место службы? Должность и срок?

– Городская стража. Караул на первой почтовой станции.

– Какая дорога?

– Хокудо, Северная дорога из Акаямы. Выслуга – двадцать три года. Последние шесть лет – старшина караула.

Отец продемонстрировал нашивку на плече.

– Ваше жалованье?

– Двадцать коку риса в год.

– Это мало? Много?

– Нам хватает, не извольте беспокоиться.

Господин Сэки медленно обвёл присутствующих взглядом. Ни у кого не нашлось что возразить или добавить к словам отца.

– Ваше любимое блюдо?

Голос, поза, выражение лица дознавателя остались прежними. Но я нутром почуял: формальная часть закончилась. Сэки-сан перешёл к главному.

3

«Кого вы любили больше?»

Отец промедлил с ответом – похоже, этого вопроса он не ожидал. Я испугался: неужели мать права?! Сейчас отца – нет, чужого человека! – кинутся вязать за сокрытие фуккацу, потащат в управу...

– Тунец, жареный в масле.

– Это все?

– Тунец с маринованным дайконом, васаби⁸ и имбирём.

Я машинально кивнул: да, так и есть. Когда хватало денег, отец вечно гонял О-Сузу в харчевню за жареным тунцом – или требовал, чтобы мать жарила рыбу дома. Дайкон, васаби – я и сам любил острое.

– Верно, – одними губами выдохнула мать.

Кажется, ее подозрительность пошла на убыль.

– Он любит тунца! – подал голос Икэда. – И я тоже!

У стражника забурчало в животе. Я вспомнил, что с утра ничего не ел.

– У вас имеются родственники?

– Дядя, брат моего отца.

– Его имя?

---

⁸ Дайкон – японская редька. Васаби – разновидность хрена (родственное ему растение).

- Шуджи.
- У него есть дети?
- Норайо и Аяка, мои двоюродные брат и сестра. Они живут в Нагасаки.
- Когда вы виделись в последний раз?
- Десять лет назад.
- Здесь?
- В Нагасаки. Мы с отцом приезжали к ним в гости.
- Ваши жена и сын были с вами?
- Нет, они остались дома.

Мой взгляд, словно заполошенная белка по ветвям дерева, метался между отцом и господином Сэки. Я силился отследить малейшие изменения в лице отца, которые могли бы выдать его – или наоборот, подтвердить, что это по-прежнему он. В то же время я старался подмечать, за чем наблюдает дознаватель, искушённый в подобных делах – чтобы и самому обращать внимание на то же. В какой-то момент я уверился, что Сэки-сан отслеживает дыхание отца – и последовал примеру дознавателя. Однако отец дышал не чаще и не глубже, чем обычно. Потом мне показалось, что господин Сэки сосредоточился на руках подозреваемого:

«Напряжены? расслаблены? дрожат?! Беспокойно шевелятся?! Если неподвижны, то в каком положении замерли?»

Нет, руки – пустяки. Должно быть, он следит за отцовским лицом. Действительно ли отец спокоен и открыт? Или показная безмятежность даётся ему с трудом? А может, дознаватель больше прислушивается к голосу ответчика? К его интонациям?

Отец рассказывал: опытный стражник, задавая вопросы, легко отличит честного торговца от контрабандиста, паломника от мошенника, а путешественника – от беглого разбойника. Я надеялся вскоре тоже поступить на службу в городскую стражу – отец обещал похлопотать за меня перед начальством. Отец был на хорошем счету, ему должны пойти навстречу – особенно после соответствующего подношения. Как мне хотелось овладеть этим замечательным искусством – умением «читать людей»! Сейчас, когда решалась судьба нашей семьи, желание разгадать загадку сделалось настолько острым, что резало меня изнутри хуже, чем лезвие ножа.

А что, если...

Как на острый сук, я напоролся на сердитый взгляд дознавателя. Без сомнения, взгляд предназначался мне. В смущении я потупился. Неприлично так тарачиться на чиновника при исполнении! Да и на собственного родителя тоже.

– Предоставляю слово свидетелям. Хитоми-сан, начнём с вас, как с заявительницы. Вам разрешается задать своему мужу три вопроса. Выбирайте такие, ответы на которые никто, кроме вас с ним, не знает. Подумайте хорошенько, прежде чем спрашивать.

Мать долго собиралась с мыслями – а скорее, с духом. Я постарался успокоить дыхание, как учил меня настоятель Иссэн, и замер, уподобясь господину Сэки. Вот уж кто умел сохранять полную невозмутимость! С моего виска на щеку поползла капля пота, неприятно щекоча кожу – точь-в-точь надоедливая муха. Очень хотелось её смахнуть, но я продолжал сидеть без движения.

Стражник Икэда громко икнул.

– Во время нашей свадьбы случилось мелкое досадное происшествие, – мать по-прежнему глядела в землю. Называть отца по имени она не спешила. – Скажите, что я имею в виду?

Отец улыбнулся – впервые со дня смерти бабушки Мизуки.

– Я оступился. Я упал прямо на тебя! Дядюшка Шуджи ещё пошутил, что нам не терпится добраться до свадебного ложа. Он приехал на нашу свадьбу и выпил все sake в городе.

– Почему вы упали? Вы были пьяны?

– Нет, я был трезв.

– Так почему же?

– На моей сандалиии лопнул ремешок.

Мать вздрогнула:

– Да, всё так и было.

– Следующий вопрос, – напомнил дознаватель.

– Скажите, Хидео-сан, – имя отца наконец-то прозвучало. – Как мы назвали сына при рождении?

Вот это новость! Тоже мне вопрос!

– Мы дали нашему сыну имя Кенсин. Когда ему исполнился год, он тяжело заболел. Чтобы обмануть и отпугнуть духов болезни, мы дали ему другое имя: Ичиро, Первый Сын. Это была твоя идея, я помню. Смена имени помогла, мальчик выздоровел. Спустя год мы назвали его Рэйденом, желая закрепить успех. В день совершеннолетия нашего сына мы долго спорили. Я подбирал мальчику новое взрослое имя, ты же настаивала, чтобы мы сохранили прежнее, детское.

– Что я говорила вам?

– Что так духи не заинтересуются им вновь. Что имя Рэйденом приносит удачу. Что мальчик, став Рэйденом, ни разу не болел. Я не захотел спорить, наш сын остался Рэйденом.

– Всё верно...

Я вытер пот со лба. Оказывается, при рождении меня звали иначе? Кенсин? Ичиро? Имя Рэйденом мне нравилось больше. «Гром и молния!» – смеялась бабушка, когда еще была здорова. Она стояла на крыльце и смотрела, как я вихрем ношусь по двору, лупя палкой по доскам забора. Я смеялся в ответ. Я и впрямь представлял себя божеством грома, колотящим в боевые барабаны⁹.

– Последний вопрос, Хитоми-сан, – напомнил господин Сэки.

Думаю, моя мать с самого начала знала, каким будет её третий вопрос. Просто не сразу решилась его задать.

– Скажите, Хидео-сан...

Она помолчала, сцепив руки под грудью.

– Кого вы любили больше: меня или свою досточтимую матушку?

Взгляд отца заледенел. Он что, выбирает? Выбирает прямо сейчас?! Но между чем и чем? Между любовью к матери и любовью к жене? Между правдой и ложью?!

– Я не хочу огорчать тебя, Хитоми. Но я вынужден говорить правду. К сожалению, свою мать я любил больше. Прости меня, если сможешь.

– Нечего тут прощать, – мать встала перед отцом на колени. Коснулась лбом земли, выпрямилась. – Я всегда это знала. Прости и ты меня.

– Нечего тут прощать, – эхом повторил отец.

4

«Почему же ты мне не сказал?»

– Не грустите, благородная госпожа Хитоми...

Настоятель Иссэн заговорил впервые с начала дознания:

– Любовь к родителям и забота о них – одна из первейших добродетелей. Уверен, если вам и доставалась меньшая часть любви вашего мужа, то лишь в сравнении с покойной гос-

---

⁹ Рэйденом (Рэйдзин) – бог-громовик, буквально «Гром и Молния».

пожой Мизуки. Честность, другая несомненная добродетель вашего уважаемого мужа, свидетельствует в его пользу.

Мать благодарно кивнула настоятелю. В глазах ее, несмотря на то, что все складывалось наилучшим образом, читалась тревога.

– Переходим к опросу других свидетелей, – объявил дознаватель.

Сказать по правде, я был уверен, что на этом расследование закончится. Но нет, господин Сэки повернулся к зеленщику:

– Как ваше имя?

– Ацуши, мой господин.

– Ацуши-сан, вы можете задать три вопроса подозреваемому.

– Это Хидео-сан, значит?

– Здесь нет других подозреваемых. И поторопитесь!

– Хидео-сан, – выпалил испуганный зеленщик, – как зовут мою жену?

Отец пожал плечами:

– Вашу жену зовут Джун.

– Да, верно! – казалось, зеленщик искренне удивился. – А как звали мою первую жену?

– Увы, я не знаю.

Мой взгляд помимо воли вновь устремился к господину Сэки. Лицо дознавателя осталось непроницаемым.

– То есть, как это? Почему не знаете?! Вы, наверное, вовсе не Хидео-сан! А, понял! – Ацуши звонко хлопнул себя ладонью по лбу, словно комара прищёпнул. – Она ведь, бедняжка, умерла, ещё когда мы жили в Осаке. Лихорадка её забрала, мою Мегуми. Вы её и не знали вовсе, и я вам не рассказывал. Давайте сейчас расскажу! Нас сосватали ещё детьми. Уж как я её любил, как лелеял...

– Ацуши-сан! У вас есть вопросы к подозреваемому?

– Что? Ох, простите! Я не знаю, что ещё спросить...

– Хватит, – дознаватель жестом велел зеленщику замолчать. – Следующий свидетель!

– Можно мне?

– Представьтесь.

– Икэда Наоки, стражник. Хидео-сан в нашем карауле главенствует. Служим мы вместе, вот.

– Спрашивайте.

Не думаю, что инициатива Икэды сильно обрадовала господина Сэки. Но возражать он не стал.

– Хидео-сан, помните? Дней десять назад...

Стражник наморщил лоб:

– Да, точно, аккурат десять дней! Мы с вами, толстяком Мэнэбу, а ещё с Керо, дурачиной эдаким, в карты играли.

Отец кивнул.

– Сколько вы в тот раз у нас выиграли?

Нисимура Керо, сидевший рядом, со злобой покосился на Икэду. Наклонившись, он сквозь зубы что-то прошипел сослуживцу на ухо. Икэда сдавленно ойкнул, зажал рот ладонью. Поздно: слово прозвучало. Азартные игры запрещены самураям указом самого сёгуна¹⁰! На запрет все смотрели сквозь пальцы – и самураи, и судьи, и хозяева игорных домов. Но признаться открыто, да ещё перед старшим дознавателем службы Карпа-и-Дракона?! Видят боги, не зря Икэда получил своё имя: Наоки!

Вот уж воистину Честное Дерево!

---

¹⁰ Военный правитель, диктатор.

– Полагаю, – господин Сэки кашлянул со всей возможной деликатностью, – вы, Наоки-сан, не вполне верно сформулировали вопрос.

Тень улыбки тронула его губы:

– Позвольте вам помочь. Скажем так: если бы десять дней назад Хидео-сан вдруг решился нарушить указ сёгуна...

– Ага! – заморгал Икэда. – Если бы вдруг, да!

– ...решился, значит, и сел бы играть с вами в карты. Сколько бы он мог у вас выиграть, учитывая его ум и наблюдательность, весьма полезные в этой запретной игре? Вы, полагаю, это хотели спросить?

– Благодарю покорно! – Икэда отвесил мудрому советчику самый почтительный поклон. – Именно это я, скудоумный, и имел в виду! Если бы, конечно!

– Думаю, – отец почесал в затылке, – в таком случае я мог бы выиграть около пяти моммэ¹¹. Вряд ли больше, честное слово..

– Точно! Пять моммэ! А жалованье ещё когда будет...

Судя по вздохам Икэды, большую часть этих денег проиграл он.

– Пять моммэ?! – ахнула мама. – И где же они?!

– Если бы я выиграл эти деньги, – отец развел руками, – я бы, конечно же, потратил их на лекарства для своей досточтимой матушки.

Я несколько не сомневался, что он так и поступил.

– Вот ведь! – мать никак не могла успокоиться. Лицо её пошло красными пятнами, заметными даже под белилами. – Почему же ты мне не сказал?

Отец вздохнул:

– Если бы я сказал тебе, ты бы огорчилась. Ты бы стала требовать, чтобы мы на эти деньги купили новую обувь тебе и мальчику.

– Я? Стала бы требовать?!

– Разумеется. Ну, это в том случае, если бы я на самом деле остался в выигрыше. А так и спорить не о чем.

И матери, и отцовым сослуживцам было ещё что сказать. Но господин Сэки прервал их:

– Думаю, этого достаточно. Я объявляю о завершении дознания. Данной мне властью оглашаю свой вердикт. *Фуккацу* не имело место. Торюмон Хидео, ваша личность подтверждена, о чём будет составлен соответствующий документ. Поскольку подозрения госпожи Хитоми имели достаточные основания, она не понесёт никакого наказания за неподтвердившееся обвинение.

Он встал:

– На этом всё.

Не издав ни звука, мать начала заваливаться набок. Я бросился к ней, но отец успел первым: подхватил, не дал упасть.

– Рэйдэн, беги за лекарем! Скажи: Хитоми-сан плохо, она лишилась чувств!

И я побежал так, как ещё не бегал никогда в жизни.

---

¹¹ Моммэ – серебряная монета достоинством в восемьдесят мелких медных монет (мон).

Глава третья Чудо на холмах Ямару

1

«Тысяча благодарностей!»

– Сделайте одолжение, Рэйдэн-сан, подождите немного. Второе лекарство сейчас будет готово.

– Вы очень любезны. Конечно, я подожду.

Аптеку насквозь пропитали запахи: сушеные травы, благовония, камфора, корица. Я еле сдерживался, чтобы не чихнуть. Вдоль стен шли ряды полок с ларчиками, ящичками, коробочками, баночками и флаконами. Каждый сосуд украшал аккуратный ярлык. Склянки с сушеными змеями, ящерицами и диковинными рыбами. Три стойки с бронзовыми весами – от больших до крохотных, с чашкой меньше ладони младенца¹². В углу на оленьих рогах висели резные амулеты от болезней и злых духов. Один такой отец подвесил над маминой постелью: гнать духов тревоги, беспокойства и помрачения рассудка. Амулет, судя по всему, справлялся неплохо; еще лучше помогало успокоительное снадобье, треть которого составляла настойка женьшеня – для укрепления сил телесных и духовных.

– Как ваша уважаемая матушка? Надеюсь, ей уже лучше?

– Благодарю, Судзуму-сан, ей гораздо лучше. Ваши лекарства и мертвого поднимут!

Я вспомнил дознавателя, свидетелей, допрос – и прикусил язык.

– Отец всё время проводит с ней, – молчать было бы невежливо, и я сменил тему. – Сказал: не отойду от постели, пока ты не поправишься! И не отходит, держит слово.

Я гордился отцом. Другой бы разозлился на жену за обвинение, видеть бы её не захотел! Побил бы, наверное. Я бы точно побил, не выдержал. А то и развелся, отослал бы к родственникам. Много ли труда? Написал разводную записку да и вручил жене или мужчине из её семьи. Кыш отсюда! Другую найду, смирную. Отец же – само благородство. И мама оттаивать начала: пришла в себя, не шарахается от мужа, не кричит. Плакать перестала... Ну, почти. Я же вижу: иногда украдкой косится на отца, как на прирученного волка. Опасается. Вроде свой, а вдруг цапнет? Зверь всё-таки. Мало ли что ему в голову взбредёт?

Ничего, пройдет. Два-три дня – и всё наладится.

– Ваш отец, Рэйдэн-сан – пример для подражания! Боги подарили вашей драгоценной матушке редкую удачу. Любая женщина была бы счастлива иметь такого мужа. Говорите, всё время проводит с женой? А как же служба?

– Господин Хасимото дал отцу отпуск.

– О, какое счастье!

– Пять дней. Чтобы уладить семейные дела.

– Сам господин Хасимото! Вижу, вашего отца ценят на службе. Как хорошо, что он может посвятить себя больной жене! Раньше-то он всего себя отдавал больной матушке... Уладить дела? Теперь, кроме лечения досточтимой Хитоми-сан, улаживать ему больше и нечего. Живи да радуйся! Я правильно понимаю?

---

¹² У японских аптекарских весов имела лишь одна чашка. Она подвешивалась к штанге с передвижным грузом-противесом.

– Так и есть.

– А Хитоми-сан идёт на поправку! И дело закрыто...

– Закрыто, – согласился я. – Личность моего отца подтверждена. Обвинение в сокрытии убийства отклонено, дознаватель Сэки составил оправдательную грамоту...

– Чудо! Просто чудо!

Аптекарь Судзуму всплеснул рукавами синего лекарского кимоно. Его круглое, блестящее от пота лицо лучилось улыбкой:

– Я сразу подумал: это недоразумение! Досадное недоразумение! Рад, что всё разрешилось благополучно. Надеюсь, Хитоми-сан скоро поправится, и на этом беды вашей семьи закончатся.

Он обернулся к задней двери, завешенной циновкой:

– Теруко-тян! Ты что, заснула? Отвар готов?!

– Уже отцедила! – прозвенел за циновкой девичий голос. – Несу!

Мигом позже в проёме возникла Теруко, дочь лекаря. В руках ее исходила паром большая склянка. На год младше меня, порывистая и быстрая, словно весенний ветер, Теруко-тян была чудо как хороша. Даже простое хлопковое кимоно с узором в виде речных ив смотрелось на ней лучше шелкового. Теруко-тян была главной причиной того, что меня не приходилось дважды просить сбегать в аптеку – я вызывался сам.

Вручив склянку отцу, Теруко поклонилась мне. Стрельнула глазами: по-особенному, как умеют только девушки. Неужели я ей тоже нравлюсь?

– Сто раз говорил тебе: закрывай отвар крышкой! Выдохнется!

Аптекарь плотно закрыл склянку, поглядел варево на просвет и кивнул с удовлетворением. На дочь он ворчал больше для порядка.

– Снадобье для вашей матушки. Вот, часы приема, порции...

Он вручил мне листок шершавой рисовой бумаги, исписанный столбиками иероглифов. Прочсть их всякий раз было настоящим подвигом: каллиграф из Судзуму был ещё тот! Ничего, я наловчился.

Отец говорил: это у всех лекарей так.

– Покорнейше благодарю, Судзуму-сан, – благодарил я аптекаря, но поклонился обоим: и ему, и дочери. Теруко зарделась, а у меня сердце полыхнуло жарким костром. – У нас дома есть ваши ценные указания. Мы в точности им следуем.

– Ничего, лишняя копия не помешает. Вдруг одна затеряется?

– Ещё раз спасибо за заботу. Мне, право, неловко...

Отчаянно стыдясь, я достал деньги – жалкие медяки. Всё ушло на лечение бабушки, а потом на похороны. Жалованье у стражи, как верно заметил Честное Дерево, ещё когда будет! Скорей бы уже меня на службу взяли!

– Боюсь, тут недостаточно. Как только отец...

Аптекарь замахал на меня руками:

– Не извольте беспокоиться, Рэйдэн-сан! Ваша семья – мои постоянные клиенты. И потом, вы столько всего пережили в последние дни... Боги проклянут меня, если я не сделаю вам скидку! Вы мне ничего не должны, забудьте.

Медяки, звякнув, исчезли в ящичке под прилавком.

– Тысяча благодарностей, Судзуму-сан!

– Всегда рад помочь. И не забывайте о моих рекомендациях! Лекарство давайте в точности так, как я написал!

– Да-да, конечно...

Прежде чем уйти, я успел перекинуться взглядом с Теруко. Вы не поверите, но она мне подмигнула. Слово чести, подмигнула! В присутствии отца, да! Вот я и думаю: это хорошо или нескромно? Наверное, для меня хорошо, а для девушки её лет нескромно.

Какой всё-таки добрый человек аптекарь Судзуму! Добрый и отзывчивый. Жаль, бабушку вылечить не удалось. Но бабушка уже была совсем старенькая. Зато мама идёт на поправку!

А какая у аптекаря Судзуму чудесная дочь!

2

«Лотос в пруду»

Я проснулся в холодном поту.

«Вор! Он украл моего мужа! Вяжите его!»

Нет, приснилось. Кошмар.

В спальне родителей было тихо. Ну, если не считать отцовского храпа. Дом у нас маленький, все слышно. Перегородки не спасают, да и чему там спасать? Рейки, бумага. Раньше, еще до того, как бабушка слегла, отец с матерью спали в своей комнате, а я – в бабушкиной, вместе с ней. Потом отец перебрался к бабушке, чтобы ночью следить за ней. Воды подать, ночной горшок или ещё что. К маме я перебраться не мог, потому что вырос – неприлично взрослым сыновьям делить комнату с нестарой ещё матушкой. Отец – другое дело, бабушка-то старенькая! Пришлось выдворить О-Сузу из её каморки, отселить в дощатую пристройку у дровяного навеса. Замазали стены штукатуркой, от сквозняков, а я занял жилище служанки. Там было тесно: циновку бросил, изголовье пристроил, и всё, спи как в гробу. Ничего, я не жаловался, я же понимаю. Футоны¹³ дорогие, отец только для бабушки один купил: ей на твердом нельзя.

Нельзя *было*. Никак не привыкну. Третий день как вернулся обратно, в бабушкину комнату, а все чудится: я маленький, сопливый, а она тут спит, рядом. Дышит, ворочается. Кашляет. Мы с ней, а родители вместе.

«Прочь! Не прикасайся!»

Это что, мне теперь все время будет мерещиться?

За день я намаялся: чинил забор, чистил колодец, подрезал сухие ветви сливы. Прибил новые доски в стенках отхожего места – старые подгнили. Сбежал в продуктовую лавку, где нам давали в долг, притащил оттуда корзину овощей. Долговязый Тору, хозяин лавки, даже расщедрился на кувшинчик дешевого саке для отца. Сказал, подарок. В честь чего, спросил я. А он ухмыляется: «В честь благополучного разрешения дела!» Дело, значит. Все уже знают, чешут языки. Ну и ладно, нам стыдиться нечего.

У нас оправдательная грамота. С красной печатью, вот.

«Убийца! Мой муж убийца!»

Спать хотелось, сил нет. Но едва я закрывал глаза, как в уши лезли вопли матери – и я подскакивал как угорелый. Руки тряслись, правда. Лежу, смотрю в потолок, вслушиваюсь: тишина. Зажмурюсь, расслаблюсь: кричит. И ведь знаю, что она не кричит, а вовсе спит...

Никакой отец не убийца. В смысле, не убитый. Что я, своего родного отца с чужим человеком перепутаю? И соседи признали, и сослуживцы, и господин Сэки. У господина Сэки глаз наметанный! Тут все ясней ясного. А то, что мать ошиблась, так это от смятения чувств. Намучилась она, пока бабушка хворала...

А если не ошиблась?

Я так и сел. Нет, отец – отец, спору нет. И все же, что если мама не ошиблась? Что если она устроила это нарочно?!

---

¹³ Матрас, набитый хлопком и шерстью.

Негодяй! Бесчестный мерзавец!

Я хлестнул себя по щеке. Хлестнул по другой. Где твоя сыновья почтительность?! Обвинить мать, которая тебя, подлеца, родила, в том, что она ложно обвинила отца...

Ложно. Обвинила.

Зачем?

Родители в последнее время часто ссорились. Уже и меня не стеснялись: кричали друг на друга. Отец даже руку на мать поднял, когда она сказала... Нет, не буду я повторять, что она ему сказала. Раньше он её никогда не бил, только грозился, что прибьёт, а тут не сдержался. Кто же сдержится, если тебе прямо в лицо, гадкими словами, про тебя и твою досточтимую родительницу...

Нет, не буду. Лучше язык откушу.

Ну, допустим, обвинила. Ложно. С какой целью? Обвинение-то не подтвердилось! А если бы подтвердилось? Если бы господин Сэки так и объявил во всеулышанье:

– Торюмон Хидео! Вы вовсе и не Торюмон Хидео, а некто другой! Всякий честный человек на вашем месте обязан был сделать заявление о фуккацу, доброй волей явившись в службу Карпа-и-Драконе! Вы же пытались скрыть это самым подлым образом! Хотели занять место Хидео-сан, да? Украсть его службу и семью? Положить его жизнь себе за пазуху?! То, что Хидео-сан убил вас, никоим образом вас не оправдывает. Напротив, отягощает вашу вину, злодей вы бесчестный...

Я вытер лоб. Зябко, а я потею.

Это значит, никакой оправдательной грамоты. Это значит: арест, суд. Всем известно, чем у нас суды заканчиваются. Отца изгонят из Акаямы, лишат самурайского статуса. Если повезет, велят вспороть себе живот. Лучше мертвым, чем изгнанником. Откажется делать сэппуку – отправят на Остров Девяти Смертей, помирать от голода, холода и диких зверей. Казнить-то у нас давно не казнят. Какому палачу охота свое тело казненному отдавать? Карма не разбирает, по закону ты убил или в темном переулке! Этак никаких палачей не напасешься, и преступникам одна радость вместо наказания...

Говорят, в первые годы Чистой Земли судьи с ума сходили. Смотрят: палач злоумышленника к кресту приколотил, выждал, сколько положено, копьём пырнул – и стоит, хихикает. Три дня подряд хихикает, пока дух убитого новое тело обживает. Над законом хихикает! Ну, потом разобрались, приспособились.

«И вы готовы сделать официальное заявление?»

«Да!»

За тяжкие преступления карают всю семью. А за сокрытие фуккацу? Нет, семью не тронут, пощадят. Отец сгинет, мама останется при доме, имуществе. Как-никак, крыша над головой. Жалованье отцовское, конечно, платить перестанут. Отставные выплаты? Нет, отец не отслужил тридцати лет. Может, все-таки назначат? Хотя бы пятнадцать коку?! Десять?! Семья лишилась кормильца...

«Два года не всходила луна над ущельем в горах...»

Неужели мать собралась замуж? Во второй раз?! И что, кто-то есть на примете? Просто я не знаю, да? И отец не знает? Ссорились, она его обвиняла, попрекала бабушкой. Кричала, что это не жизнь, что лучше умереть...

Подставить отца. Сохранить дом и нажитое.

Взять второго мужа.

Да что же это?!

Где бы ты ни был,
Мудрый всегда отыщет
Лотос в пруду.

Этому стихотворению научил меня настоятель Иссэн. Я долго не понимал его смысл. Думал: если ты мудрец, во всем видишь чистую красоту. Настоятель улыбался, отмалчивался. Вот, теперь понял. Сам понял, без разъяснений.

Если ты болван, ты и под цветущей сакурой в дерьмо вступишь.
Зачем я только проснулся?!

3

«Ухо и сердце»

Сбив, хлёт, перехват. Сбив, хлёт, перехват.

«Пьяная гейша расчесывает волосы».

Ноги, ноги! Для гейши главное – ноги. Скользим вправо, влево. Уклоняемся, не стоим столбом! Так учит Ясухиро-сенсей. Плети – по кругам, ноги – по кругам. Движение – течение реки, оно не должно прекращаться. Стоячая река – болото, трясина...

Я споткнулся и едва не упал. Сенсей запрещал выравнивать или чрезмерно утаптывать площадки для занятий боевыми искусствами: в додзё¹⁴ или дома, без разницы. Когда на тебя нападут, говорил он, ты что, потребуешь у врага сперва убрать гальку с берега и замостить грязь булыжником? Я тебя спрашиваю, колченогий!

Нет, сенсей, не потребу. Просто споткнусь и получу по шее.

Усердие – мать победы. Кто тут собирается в стражники? Ты, Гром-и-Молния? Ага, я. Тогда учись справляться со злоумышленниками. Ходи веселей, лотос в пруду! Не ленись! Двойка справа, двойка слева, перехлёт. Слева, справа, перехлёт. Вдогонку, навстречу, снова вдогонку...

«Монах спускается с гор».

Спускается, а не летит кубарем!

Когда я назвал себя бестолочью в сотый раз, плети снизошли, запели. Они летали вокруг меня, сливаясь в мерцающие призрачные круги. Я махал ими с наслаждением, словно веером в жару обмахивался. Босые стопы сами нащупывали каждую выбоину, каждый бугорок...

Ф-фух!

Опустив плети, я повёл затекшими плечами. Кажется, недурно. Вот только случись драка, никто не даст мне размяться, подготовиться и вспомнить все мудрые поучения Ясухиро-сенсея до единого. В бой ныряешь сразу, как со скалы в море. Прыгая, главное – не свернуть себе шею. Дерась, главное – не убить кого-нибудь. В занятиях главное...

Думаю много. Ум в голове не помещается.

Оттого и дерусь скверно.

Про скалу и море – это как про лотос и пруд. В смысле, не я сочинил. Повторяю чужие слова. Ну и что? Настоятель Иссэн учит: «Если ты согласен с чужой мудростью – это твоя мудрость. А если не согласен – не всё ли тебе равно, кто это сказал?» А с сенсеем я полностью согласен.

Ха! Попробовал бы я с ним не согласиться!

Утро выдалось ясное, тёплое. Туман рассеялся ещё на рассвете. Лучи солнца – нежаркие, ласковые – гладили забор и крышу. Золотили листву деревьев, проникали в беседку, с любопытством ощупывали соломенное чучело, прятавшееся там от дождя.

---

¹⁴ Додзё – «Место, где ищут Путь», помещение для медитаций и духовных практик. Позднее зал для занятий боевыми искусствами.

Я вытащил чучело наружу. Насадил его на кол, что торчал из земли в дальнем углу площадки. Отошёл, прикинул расстояние. Длинной плетью надо доставать с запасом. Короткой, с передней руки – на пределе.

«Обезьяна срывает орех».

Щёлк! Щёлк!

Из чучела полетели клочья сухой соломы.

Щёлк – плечо. Клац – бедро. Хлоп! За «хлоп» я бы удостоился нагоняя от сенсея. Нагоняй – это взгляд. У мастера Ясухино глаза – щелочки. Посмотрит, ничего не скажет, а ты уже от сраму сторел. Пастух овец лучше пасет! Сейчас я сам себе сенсей. Считаю, один взгляд получил. Щёлк! Клац! Бедро, плечо. Лицо, локоть...

Хлоп. Локоть!

Хлоп. Локоть, я сказал!

«Бог грома бьет в барабан»!

Удары рукоятью – моё больное место. Берешь плетью за «хвост», наматываешь два витка на ладонь. Лупишь рукоятью, как земледелец молотильным цепом. А я луплю, как прачка мокрым полотенцем.

Тресь!

Солома взлетела искрами серо-жёлтого фейерверка. У чучела отвалилась левая рука. Теперь придется делать новое чучело.

– Молодец.

Отец стоял под сакурой на безопасном расстоянии. Прищурился, склонил голову набок. Как он подошёл, я не услышал. Давно он там стоит?

– Силы много. С избытком.

Он вышел из-под дерева, протянул руку. Я отдал ему малую плетью. Отец взвесил её на ладони, взмахнул для пробы. Опустил, отвернулся. На щеках его заиграл легкий румянец. При всём моём к нему уважении, за отцом не водилось славы великого бойца. В детстве, случалось, он давал мне уроки, но с годами перестал: смущался.

– Упражняешься? Это хорошо.

– Вы слишком добры ко мне.

Склонившись в поклоне, я поблагодарил его за похвалу.

– Мне кажется, ты редко посещаешь додзё Ясухино-сенсея. Почему?

Я промолчал. Отцу не хуже меня известно, почему.

– Тебе стыдно?

– Угу, – кивнул я.

– Мы не всегда можем заплатить за твои посещения?

Я внимательно изучал грязные пальцы своих босых ног.

– Сенсей когда-нибудь требовал с тебя плату? Напоминал о ней?

– Нет.

И мне стыдно вдвойне, хотел добавить я.

– Самое постыдное – не знать стыда. Стыдящийся – добродетелен. Так говорили предки. Может быть, он велел тебе не приходить, пока наша семья не вернет долг?

– Нет. Но...

– Говори.

– Отец, вы же сами всё знаете!

– Допустим, знаю. Но я хочу услышать это от тебя.

– Зачем?

– Самурай должен уметь сражаться. Но еще он должен уметь внятно выражать свои мысли. Тогда и сражаться придётся реже, уж поверь моему опыту.

Раньше отец был немногословен. Что толкнуло его ко мне? Развязало язык? Ну да, смерть матери, обвинение, а потом и болезнь жены. Мужчина в таком случае тянется к мужчине. На его месте я бы тоже потянулся к сыну.

Я вздохнул.

– Ваш досточтимый дед, мой прадед, Ивамото Йошинори, оправдывая свою славную фамилию¹⁵, основал школу воинских искусств «Дзюнанна Йосеи»¹⁶. К сожалению, у него не было сыновей, только дочери...

Прадеда я не застал. Он умер до моего рождения. В детстве Ивамото Йошинори был для меня не живым человеком – и даже не легендой или примером для подражания. Он был упущенной возможностью. Ну что ему стоило поручить школу моему отцу? Нет сына-наследника? Подожди, пока дочь родит тебе внука! Глядишь, и мы сейчас жили бы побогаче, и я бы непременно выбился в мастера. Позже я вырос и понял, по какой причине Ивамото-сенсей поступил так, как поступил.

– Старшая из них, моя почтенная бабушка, как женщина, не могла унаследовать школу, даже если бы владела искусством своего отца. Впрочем, Ивамото-сан любил дочь и дал за ней хорошее приданое...

Отец кивнул. Он никогда не рассказывал мне о тех временах, но я знал от матери и О-Сузу, что в начале семейной жизни мои родители бедствовали куда больше нынешнего. Им даже жить было негде: отец ночевал в казармах, а мать – у замужней сестры. Она стеснялась оставаться у своих родителей, не желая быть им обузой, и не имела возможности переехать к родителям мужа из-за нестарого ещё свёкра. Про свёкров, живущих с молодыми невестками, сплетни росли без полива, как бурьян под забором. Если бы не помощь бабушки, сохранившей и приумножившей свое приданое... К тому времени, как отец получил повышение и ему разрешили оставить казармы, бабушка овдовела. Она говорила мне, что перебралась к нам, желая дожить век вместе с сыном и невесткой. На самом деле это мы перебрались к ней, в её дом – купить или построить собственное жилище наша семья не смогла бы.

– Уходя на покой, он передал школу своему лучшему ученику...

– Ты знаешь его имя?

– Ясухиро Сейичи, отец нынешнего главы школы Ясухиро Кэзуо. В семействе Ясухиро по сей день хорошо помнят, что сделал для них мой прадед. В школе на алтаре всегда жгут воскурения в память об Ивамото Йошинори. Сенсей относится к нашей семье с большим уважением и признательностью. И я считаю, что мне...

– Продолжай.

– Мне недостойно этим пользоваться!

Отец замолчал надолго. Я даже успел немного погордиться столь складным ответом.

– Хороший ответ, – отец слышал мои мысли. – Честный, правильный. Но у каждого листа бумаги есть две стороны. На них могут быть разные записи. Ты не желаешь унижать нашу семью? Память прадеда? Очень хорошо. Но не унижаешь ли ты своего сенсея?

– Я? Чем?!

– Ты избегаешь его додзё?

– Да!

– Потому что мы не можем заплатить?

– Да!!!

– Разве этим ты не оскорбляешь его?

– Оскорбляю? Я?!

Ударь меня отец, я был бы удивлен меньше.

---

¹⁵ *Ивамото* – Основание Скалы.

¹⁶ «Дзюнанна Йосеи» – гибкий импульс, энергия гибкости, гибкая сила.

– Ты выставляешь уважаемого Ясухино, пусть и ненамеренно, корыстным человеком. Стяжателем, который учит ради денег, и только ради денег. А если он учит тебя ради памяти твоего прадеда? Не крадешь ли ты у него возможность почтить Ивамото Йошинори доступным ему способом? Отплатить наставнику обучением его правнука, угодившего в трудные обстоятельства? Ведь не всё в этом мире меряется деньгами, правда?

У меня отвисла челюсть. Такое никогда не приходило мне в голову!

– Вымой ноги, – велел отец. – Надень выходное кимоно. И не забудь простую одежду для занятий. Мы идём в додзё семьи Ясухино. Да, ещё... Напиши мне иероглиф «хадзи».

– Где написать?

– В воздухе. Возьми плетёнку и напиши.

Я повиновался.

– Хадзи, – отец повторил мой жест. Взгляд его пронзал меня насквозь, – означает «стыд». Он состоит из двух частей: ухо и сердце. Знаешь, что такое стыд? Это когда ухо не слышит голос сердца.

Нет, подумал я. Стыд, мой досточтимый отец – это когда я, преданный сын и наследник, хочу рассказать тебе о гнусных подозрениях, касающихся твоей жены и моей матери. Хочу, должен и не могу. Язык не поворачивается. Вот это стыд, да. Сердце говорит, ухо слышит, разум требует.

А язык, изменник, заледенел.

Впервые я пожалел о своём совершеннолетии. С ребенка и спрос никакой.

4

«Записки на облаках», сделанные в разное время монахом Исэном из Вакаикуса

Люди привыкают ко всему, даже к жизни в раю.

Привыкли и мы. Приспособились.

Многое изменилось к лучшему. Я говорю не только о войнах. Например, сошло на нет убийство новорожденных. Его стыдливо называли «когаэси» – «возврат ребенка» – намекая, что дитя не просто убили сразу же после рождения. Дитя вернули в мир богов и духов, что, согласитесь, совсем иное, можно сказать, благородное дело. Так или иначе, младенцев, по большей части девочек, быстро перестали душить платком. Семьи, не желающие кормить лишней рот – или не имеющие такой возможности – столкнулись с куда худшей заботой. Отец или мать, придушив новорожденного, в течение трех дней превращались в слюнявых идиотов, ходивших под себя и громким плачем требовавших молока. Кормить их было дороже, чем младенцев, а прикончить обузу означало самому утратить разум.

«Возврат ребенка» приобрел новое значение.

Детей, от которых хотели избавиться любой ценой, теперь оставляли в лесах, оврагах и болотах, чтобы их там сожрали дикие звери. Такие поступки напоминали азартную игру с непредсказуемым исходом. Если ребенка съедает волк, для родителя, отнесшего дитя в чащу, все заканчивалось благополучно. Убийство засчитывалось волку, а на животных дар будды Амиды не распространялся. Но если младенец умирал не в волчьей пасти, а от ночных холодов и отсутствия пищи...

Тогда убийство засчитывалось человеку, бросившему дитя в глухом месте. И «возврат ребенка» происходил немедленно, сокрушая убийцу.

При этом голодная смерть преступника, сосланного пожизненно на Остров Девяти Смертей, не засчитывалась как убийство судьё, вынесшему приговор – или стражникам, доставившим злоумышленника на остров. Попыток объяснить все эти кармические сплетения, установить точные внутренние связи и закономерности, было множество. И что же? Они терпели крах одна за другой. На любое правило сразу находилось исключение.

Как писал святой Гокэнку:

Вот, вспорол живот.
Думал, что вспорол себе.
Нет, ошибся я.

Нашлись и такие, кто захотел использовать дар Амиды в корыстных целях. История мести самурая Хатано Тадаоки – вероятно, первого случая кровной мести после нисхождения Чистой Земли – легла в основу популярной пьесы театра Но «Чудо на холмах Ямару». Позвольте ничтожному монаху напомнить вам эти блистательные строки:

Сцена 1

Хатано Тадаоки:
О горе! О пламя адское!
Давно готовился я к убийству.
Заклятый враг мой, что же делать мне?
Убью тебя – ты во мне воскреснешь,
а я отправлюсь в преисподнюю,
накрывшись плащом бесчестья.
Жизнь тебе сохраню –
до конца дней не избавлюсь от позора.
Сколь же злосчастлива моя судьба!

Хор:

Дрова, горящие в огне,
не горят так жарко,
как ненависть доблестного самурая!
Что же делать ему?

Хатано Тадаоки:
(выходит на авансцену, раскрывает веер)

Рази, мой ум, быстрей меча!
Сегодня я выпью смертельный яд.
Осушив чашу утром,
умру до полуночи,
но днем я встречу с моим врагом.

(закрывает веер, поднимает чашу. Танцует, пьет)

Ха-ха-ха! О торжество!

Сцена 2

Исэ Такаёси:
Я Исэ Такаёси, враг господина Хатано!
Сегодня мне судили боги
пасть от его меча.

(проходит на середину сцены, становится напротив Хатано)

Но как же дар будды Амиды?
Убийца мой, знаешь ли ты?
Долг мой – предупредить тебя!

Хатано Тадаоки:

Ха-ха-ха! О торжество!
Всё знаю я, всё!
Вот, я убью тебя
и ты станешь мной.
Но в теле моём кипит чёрный яд
и к ночи ты скончаешься в муках!
В ужасных мучениях, да!
Кансэй¹⁷!

(убивает Исэ, забирает его маску и превращается в убитого)

Исэ Такаёси:

Вот я воскрес в новом теле.
Фуккацу!
Но нет времени для ликования,
ибо ждут меня страшные муки
и скорая кончина!
Но что это? Чу!

(обходит сцену, стуча в барабан)

Яд испарился, вытек со слюной и слезами.
Я здоров и полон сил!
О враг мой, доблестный Хатано!
Ты хотел погубить меня,
отравив себя самого,
но велик будда Амида, велик и милосерден.

Хор:

Не обманешь прозорливого будду!

---

¹⁷ Возглас радости.

Тот, кто жаждет воскресить врага
в теле умирающего или калеки,
либо прокаженного, обители страданий,
или дряхлого старца с трясущейся головой,
обманется,
обманется,
обманется в своих дурных ожиданиях.
Исцелится убитый в теле убийцы,
избегнет смерти и боли,
преисполнится здоровьем и надеждой!
Фуккацу!

Глава четвертая Происшествие на почтовой станции

1

«Будь осторожен!»

Я следовал за отцом: за правым его плечом, чуть отстав, согласно традиции защищать спину тому, кто старше. Приноровиться к отцовскому шагу оказалось не так-то просто. Давненько мы вместе никуда не ходили. За это время, оказывается, я вырос, привык шагать быстрее и шире. Стареет отец, горбится, семенит. Коленями мается, давно уже. Доведись на заставе за преступником гнаться – не догонит.

Нужно, чтобы рядом был кто-то помоложе, пошустрее.

Я хотел напомнить отцу, что он обещал похлопотать за меня перед господином Хасимото – и прикусил язык. Не на улице же разговор затевать? Дома надо было сообразить. Повернуть беседу от нашей унижительной бедности к жалованью, от жалованья – к тому, что два жалованья, как ни крути, больше, чем одно...

Бед на отца свалилось – как гора на муравья. Про меня и забыл, наверное.

Школа «Дзюнанна Йосеи» располагалась через три квартала от нашего, если идти на юго-восток, в сторону княжеского замка на Красной горе. Как с безмолвной скалы в бурное море, мы нырнули в шумную толкотню Сенрёбу – улицы Тысячи Одежаний, с лихвой оправдывавшей своё название. Торговцы уже открыли двери лавок и ставни на окнах магазинчиков. Цветастые кимоно, платки, шляпы, пояса, накидки, выставленные на продажу – от них рябило в глазах. Оклики зазывал, вопли разносчиков чая. Шелест шёлка, шуршание хлопка. Дым над котлами с лапшой. Дым над сковородами с жареными креветками. Ругань продавца, чей товар запачкали жиром. Перестук и шарканье сандалий – деревянных *гэта* и соломенных *дзори*...

Жизнь тут кипела с раннего утра и до темноты.

Миновав ворота, отделявшие кварталы друг от друга – на ночь ворота запирались – мы срезали путь мимо жасминовых посадок. Их разбили изготовители ароматических притираний и купцы, торгующие чаем сорта *санпинтя*, смешанным на рюкюсский манер. Россыпями нетающего снега белые цветы лежали на гибких ветвях кустов. От плывущего запаха воздух сгустился, превратился в драгоценную благоухающую настойку. В ней с дремотным жужжанием плавали сотни довольных жизнью пчёл.

Мухи кружились дальше, наслаждаясь вонью сточных канав.

Потом был мост через канал, обсаженный плакучими ивами. Мы прижались к перилам, когда мимо нас на полном скаку пролетели пять конных самураев. Они торопились в замок с важными сведениями, о чем недвусмысленно говорила их одежда, расшитая цветами жимолости – гербами княжеского клана.

– Будь осторожен, – предупредил отец, хотя в этом не было нужды. – Зазеваешься, стопчут.

За мостом начиналась площадь с досками для объявлений и официальных указов. Здесь собирались гадальщики, сказители, жонглёры и слепые певички *годзэ*, больше смахивавшие на шлюх, какими они и были. Но для песен и гаданий было ещё слишком рано. Лишь одинокий горбун-уборщик скрёб метлой пыльную брусчатку, да ветер, словно пёс, лениво трепал клочья старых объявлений.

– Не отставай, – велел отец.

Я не стал с ним спорить. Пусть считает, что мне трудно поспевать за ним.

Улица Трёх Изысканных Сосен была скучней скучного. Пыльная, кривая, с глинобитными заборами, покрытыми облупившейся побелкой. За ними прятались дома, крытые где черепицей, а где и соломой. Одна достопримечательность тут всё же имелась: в конце улицы размещался додзё семьи Ясухиро.

На взгорке росла троица сосен, давших название улице. Кривые и узловатые, они роняли на землю хвою, рыжую от жары.

Гостеприимно открытые ворота школы венчала красная крыша с загнутыми коньками. На отполированном и покрытом лаком столбе, вкопанном у ворот, резчик тщательно изобразил название школы. Глубокие борозды иероглифов сверкали золотом на утреннем солнце. Рядом, куря трубку, скучал привратник. Завидев нас с отцом, он вскочил на ноги и начал кланяться. Летом двери зала, обустроенного в глубине двора, не закрывались. Я видел, как внутри мелькают силуэты бьющихся самураев. Щёлканье и свист плетей, стук дерева о дерево, боевые кличи...

Сердце моё забило чаще.

Прав ли отец? О чём он собирается говорить с сенсеем? А главное, как учитель воспримет его слова?! То, что дома показалось мне откровением, здесь выглядело иначе. Попытка сыграть на чувстве долга сенсея? Желание увильнуть от оплаты, завернутое в красивую обёртку?!

Мне захотелось сбежать, да поскорее.

2

«Выкидьши благородного искусства боя»

– Рад приветствовать вас, уважаемый Хидео-сан!

Сенсей возник перед нами будто из-под земли. Всегда завидовал этому его таланту! Мне бы так научиться!

– Для меня большая честь принимать вас в стенах этой школы. Прошу вас, проходите...

Меня Ясухиро удостоил единственного короткого взгляда. Приветливости в нем было не больше, чем пользы в треснувшем чайнике.

– Приступай к занятиям, Рэйдэн.

Я поклонился:

– Да, сенсей.

Пока я, сбросив сандалии у входа, бежал в дальний угол переодеваться, за спиной у меня звучало:

– О, что вы! Это для меня великая честь засвидетельствовать вам своё почтение! Простите, что так долго не заходил к вам...

– К чему извинения, Хидео-сан! Не желаете ли чаю?

– Право, вы слишком любезны...

– Это меньше, чем я могу услужить вам...

– Стоит ли утруждать себя из-за меня, ничтожного?

– Я лично заварю вам чай. Нет, я попрошу моего помощника Кавабату. Он – настоящий мастер чайной церемонии, я ему искренне завидую.

– Я смущен...

– Я не приму отказа!

– Можно ли устоять перед вашим красноречием? Я с благодарностью принимаю ваше любезное предложение. Отдадим же должное божественному напитку...

– ...и приятной беседе...

Ну да, обычный разговор при встрече гостя. Когда состарюсь, тоже буду так миндальничать.

К тому времени, как они покончили с любезностями и расселись на низком помосте, где Ясухиро летом принимал гостей, я успел отыскать свободный манекен и вдоволь избить его плетью. Сказать по правде, мне до смерти хотелось услышать, о чём отец станет говорить с сенсеем *на самом деле*. Но подслушивать – дело недостойное. Что я, ниндзя, в конце концов?! Кроме того, отсюда мне всё равно ничего не слышно.

Трудись, балбес! Нашел время отращивать ослиные уши!

Удары рукоятью я делать не рискнул. Занялся тем, что более-менее получалось. Хлёт слева, хлёт справа. Краткий-длинный, краткий-длинный. Лицо-запястье-бедро. «Обезьяна срывает орех». «Дракон бьёт хвостом». «Змея жалит исподтишка». Рви, бей, жаль! Не стой на месте! Деревянный болван тебе не ответит. Но когда дойдёт до дела, как бы самому не оказаться деревянным болваном...

Втайне я надеялся, что сенсей посмотрит на меня во второй раз. Надежда вскоре угасла, и я стал надеяться, что ко мне подойдет Цуйёши, сын и наследник сенсея. Нет, не подошел. Наверное, я и без чужой помощи выказывал недюжинные способности. Ну, или был настолько бездарен, что на меня не стоило тратить время.

Что толку гадать?

Вспотев, я отложил плети и взял палку, выбрав подходящую из ближайшего арсенала. Что значит – подходящую? Такую, как рукоятка длинной плети. Её я вставил в отверстие, проделанное в правой «руке» манекена. Затянул крепления до середины, как учил сенсей, и не удержался: оглянулся.

Беседуют. Мной не интересуются.

Ладно.

«Быку отрывают рог». Ну-ка... Взмах, захлёт, рывок. Плеть обвилась вокруг палки, но соскользнула, когда я дёрнул. Ещё раз. Ещё. С десятого раза бык потерял рог. Я вернул палку на место, отошёл, примерился...

Неудача.

– Рэйдэн!

Махнув рукой, сенсей подозвал меня к себе. Им принесли чай, но вряд ли Ясухиро решил меня угостить. Сунув плети за пояс, я подбежал к помосту и упал на колени:

– Да, сенсей!

Ясухиро не ответил. Он был занят важным делом: наливал чай моему отцу. Занятие поглотило его целиком, мне сразу вспомнились слова настоятеля Иссэна: «Будь в том, что ты делаешь». Иссэн не уставал повторять эту мудрость, и сейчас я видел живое воплощение его правоты. Мелодия чая, льющегося в чашку. Невесомое облачко ароматного пара. Изгиб свисающего рукава. Весь мир для Ясухиро свелся к этому.

Поклонившись, отец взял предложенную чашку. Осушил тремя мелкими глотками. Вернул пустую чашку на кипарисовый поднос – тем же жестом, что и Ясухиро, словно отразив сенсея в зеркале.

Я засмотрелся. Удивительное сравнение, но с похожим чувством я любовался луной над цветущей сакурой.

– Благодарю вас, Кэзуо-сан.

– Истинное искусство, – сенсей улыбнулся. От уголков его глаз в стороны брызнули хитрые лучики, – невозможно без правил и канонов. Вы согласны?

– О да!

– Но возможно ли оно без нарушения правил?

– Полагаю, что нет. Хотя и не всякое нарушение есть искусство.

- Очень верное замечание. Быть может, это излишне самонадеянно с моей стороны...
- Я весь внимание.
- Уверен, небольшое нарушение правил поведения будет сейчас более чем уместно.

Прошу вас, Хидео-сан, окажите мне ответную любезность!

- Какую же?
  - Налейте мне чаю.
  - С удовольствием, Кэзуо-сан. Надеюсь, мои скромные умения не разрушат гармонию.
- Отец взял чайник. Скользнув по изящной дуге, тот замер над чашкой сенсея. Раздалось слабое журчание, к небу поднялся пар.

- Благодарю вас, Хидео-сан. Это было прекрасно.
  - Вы преувеличиваете. На это способна любая служанка.
- Сенсей сделал три глотка. И обернулся ко мне:

- Тебе необычайно повезло, твой отец – великий человек. Слушай его, учись у него.
- Да, сенсей! – я коснулся лбом земли.

Глава школы в задумчивости смотрел на меня. Нет, сквозь меня. Чувствовалось, что мысли его витают далеко. В итоге я проморгал момент, когда из бесплотного духа вновь превратился для Ясухино в ученика из плоти и крови.

В крайне бестолкового ученика, как выяснилось мгновением позже.

- Почему ты не ходишь в додзё?!

Сенсей превратился в разъярённого тигра. Утробный рык едва не заставил меня броситься прочь. Сам не знаю, как я сумел остаться на месте.

- Лентяй! Бездельник! Однорукий доходяга, и тот спустит с тебя шкуру! Позор семьи!

Как ты смеешь пропускать занятия?!

Я пал ниц:

- Виноват, сенсей!
- Ты – выкидыш благородного искусства боя!
- Простите ничтожного!

Выкидыш, кивнул отец. Он жмурился, как сытый кот. Гнев Ясухино пришелся ему по душе.

- Ты будешь дневать и ночевать у меня во дворе!
- Да, сенсей!
- Иначе я избыю тебя до полусмерти!
- Да, сенсей!
- Выгоню с позором!
- Да, сенсей!
- Двадцать кругов вокруг додзё! Бегом!
- Да, сенсей!
- Пятьдесят приседаний с колодой. После можешь вернуться к манекену...

Ясухино взмахнул рукой, отсылая меня прочь – словно плетью хлестнул. Плетью? Хлестнул? *Захлестнул!!!*

- Да, сенсей! Спасибо, сенсей!

Я наворачивал круги, раз за разом огибая здание, мокрый от пота, приседал с тяжелой колодой на плечах – и видел жест сенсея. Тысячу раз я прокручивал этот жест в памяти, мысленно повторяя его, ожидая того момента, когда от мыслей перейду к делу. Если бы в руке у Ясухино была длинная плеть...

Тысяча благодарностей, сенсей!

* * *

Отец вскоре ушел.

Я же прозанимался до полудня. На обратном пути мне понадобилось дать изрядный крюк, чтобы забежать сперва в храм Вакаикуса, к настоятелю Иссэну, а уже потом отправиться домой. О, удача! Старый монах сидел на крыльце храма, латая соломенную шляпу, и согласился уделить мне минутку. Впрочем, Иссэн всегда был добр к такому назойливому бездельнику, как ваш неугомонный Гром-и-Молния.

Когда я вернулся домой, оба моих кимоно – и выходное, и то, что для занятий – можно было выкручивать, как мокрое белье. Ноги болели от усталости, я ковылял, словно дряхлый старец на пороге смерти. Но я ни минуты не жалел о том, что посетил Вакаикусу.

Матери я ничего не сказал про храм. Я ей вообще ничего не сказал, потому что она спала. А отец и не спросил, где это я бегаю. Его и дома-то не было, отца. Наверное, ушел в лапшичную.

3

Допрос стражника Икэды, проведенный Хасимото Ясуо, начальником городской стражи, в присутствии писца

- Ваше имя?
- Икэда Наоки, господин.
- Место службы?
- Стража первой почтовой станции на выезде из Акаямы.
- Выслуга лет?
- Двадцать три года.
- Полагаю, вы опытный стражник. Я склонен доверять вашим суждениям.
- Благодарю, господин. Это честь для меня.
- Писец запишет ваши показания. Итак, когда все произошло?
- В час Зайца, господин. Как только час Тигра сменился часом Зайца¹⁸, мы открыли пропуск через заставу.
- Люди большей частью ехали в город или из города?
- В город. Из города вообще никого не было.
- Продолжайте.

* * *

Писец скучал.

Его кисть порхала над бумагой, оставляя за собой изящные столбики иероглифов, но мыслями писец был не здесь. Сам в прошлом стражник на дальней заставе, тринадцать лет выслуги, он лишился места, сломав ногу при падении с лошади. И зачем надо было похвастаться искусством *ба-дзюцу*¹⁹ перед сослуживцами?! Лошадь взбрыкнула, всадник, незадолго до этого перебравший sake, не удержался в седле.

Хорошо хоть ногу сломал, не шею.

---

¹⁸ Шесть утра. Пропуск в город длился с шести часов утра до шести часов вечера.

¹⁹ Искусство верховой езды.

Доклад начальству составили так, будто стражник пострадал при исполнении, доблестно преследуя беглеца, прорвавшегося сквозь кордон.

Охромевшего наездника перевели в управу, что можно было считать повышением. В смысле жалования, так точно! К счастью, он был грамотен и обладал разборчивым почерком. Такие допросы, как нынешний, редко обходились без него: опираясь на свой богатый опыт, писец легко выявлял ложь и недомолвки. Об этом он делал на полях тайные пометки для господина Хасимото.

Сегодня лжи не предвиделось.

* * *

– Первыми были паломники, ночевавшие на постоялом дворе Глухого Ю. Это хороший двор, там подают не только завтрак, но и ужин. Там даже есть четыре девушки для развлечений, хотя разрешены всего две. О, это я зря! Покорнейше прошу не наказывать Глухого Ю! А если накажете, не говорите, что это я проболтался...

– Вы ставите мне условия?

– Нет, что вы! Умоляю простить меня! Я всего лишь...

– Вернитесь к паломникам.

– Они шли в храмы Вакайкуса и Сондзюмон. В целях безопасности мы заставили паломников перед досмотром отложить посохи и ящики с едой. Случалось, что юноши, сбежавшие из семей, и разорившиеся крестьяне, из тех, кому нечего терять...

– Достаточно.

– Они прорывались через заставу без досмотра, господин. Вместо грамот они показывали нам посохи! И начинали колотить всех без разбору! Меня, помню, оглушили ящиком с едой. Милосердный будда, какой же он был тяжелый...

– Хватит об этом! Вернитесь к паломникам.

– Мы велели им снять шляпы и накидки. Мы все сделали правильно, господин?

– Да. Что произошло дальше?

– Мы проверили подорожные грамоты. Грамоты были в порядке.

– Вы пропустили паломников?

– Нет. Мы велели им отойти к обочине.

– Почему?

– Приближались носильщики с паланкином, где сидела знатная дама. Ее сопровождали шесть самураев. Очень неприветливых самураев, доложу я вам. Один назвал меня обезьяной...

– Это не имеет значения. Я слушаю.

– Торюмон Хидео, старшина караула, решил, что паломники могут обождать. Иначе ждать пришлось бы даме. Он верно поступил, господин?

– Да. Вы проверили даму?

– Разумеется. Она подняла шторку паланкина, чтобы мы могли видеть ее лицо, и предъявила разрешение на выезд из Акаямы и последующий въезд. Разрешение подписал чиновник городской управы.

– Имя?

– Чиновника?

– Дамы. И попробуйте думать головой, прежде чем задавать вопросы.

– Нижайше прошу прощения! Да, я буду думать головой...

– Имя дамы!

– Исикава Акиро, жена старшего налогового инспектора.

– К грамоте прилагалось описание внешности?

– И самое подробное! Телосложение, рост, длина волос. Черты лица. Родинка на поясице...

– Родинку проверили?

– Сочли лишним. Нет, вы не подумайте! У нас при станции есть помещение для личного досмотра. И женщина есть, как раз для таких случаев. Мы сами никогда не предложили бы раздеться такой знатной даме! Раздеться при мужчинах? Это немыслимо!

– Короче!

– Короче, Хидео-сан решил, что обычного досмотра вполне достаточно. Эти самураи, они были такие грубияны! Обезьяна! Это я-то краснозадая обезьяна?! Мы же правильно...

– Вы поступили правильно. Дальше!

– После госпожи Исикавы мы проверили крестьян из ближайших деревень. Они везли на продажу бобовую пасту, чумизу²⁰ и батат. Еще корни лопуха, в отдельной тележке. У всех были выписки из храмовых книг рождения, с отметкой, позволяющей въезд.

– Выписки? У корней лопуха?!

– У крестьян, господин.

– Я знаю, что у крестьян. Я всего лишь показал вам, как нелепы вопросы, заданные без тщательного обдумывания. Вы поняли, к чему это я?

– К сожалению, нет.

– Неважно.

– Может быть, вы соблаговолите объяснить мне прямо? Я плохо понимаю намеки.

– Оставим это. Вы их пропустили?

– Крестьян? Да.

– А паломники?

– Сказать по правде, мы о них забыли. Сперва въехала дама, затем крестьяне. Затем появились *ронины*²¹, девять человек. Они возвращались из веселого квартала, от проституток...

– Ронины буянили?

– Нет, они еле тащились. Похмелье, господин! Вот после ронинов мы и вспомнили о паломниках. Когда паломники прошли мимо нас, среди них тоже был один ронин...

– Почему вы замаялись?

* * *

Ясуо Хасимото весь подобрался.

Разговор – обязательный согласно предписаниям, но пустой и утомительный – подошел к ключевому моменту. Все уже случилось, ничего нельзя было изменить. Но от того, как прозвучит история, как ее подаст этот недотепа Икэда, а главное, как ее запишет писец, зависела судьба наград и наказаний.

«Большие несчастья происходят от малых причин!»

Хасимото прекрасно знал, что писец делает пометки на полях бумаги – для него, начальника стражи. Правда, ложь, сведения достоверные или сомнительные. Но писец не ограничивался этими, в высшей степени полезными комментариями. Раз в семь дней он делал тайный доклад обо всем случившемся шпионам бакуфу²². От его доклада зависело, в каком свете будет выставлен сам Хасимото – выгодном или напротив, неудачном. Прояви Хасимото поспешность

---

²⁰ Хлебный злак, близкий к просу.

²¹ *Ронин* – самурай без господина.

²² *Бакуфу* (букв. «управление из походной палатки») – военное правительство, возглавляемое сёгуном.

во время допроса, выкажи рассеянность, желание побыстрее скинуть обузу с плеч, и у городской стражи в скором времени мог объявиться новый начальник.

Приходилось терпеть. Доноситель, которого ты знаешь, лучше незнакомца.

– Я виноват, – стражник Икэда коснулся лбом пола.

На взгляд Хасимото, стражник был глупец, но честный глупец. Такие опаснее всего. Никогда не знаешь, что они сболтнут или сделают.

– Готов понести наказание. Я сперва решил, что это уже проверенный нами путник. Что он просто отстал от компании приятелей, захотел поболтать с кем-то из паломников. Если бы всё зависело от меня, он бы уже вошел в город. Но Хидео-сан, старшина караула, остановил ронина.

Икэда вдруг охрип, словно его душили:

– Позже Хидео-сан сказал нам, что у него возникли подозрения.

4

«Нет у меня никаких ран!»

Храмовый гонг возвестил полдень.

Я снял шляпу, утёр пот со лба. Взглянул на солнце, зависшее в зените. Оно куталось в кисею дымки, но палило хуже раскаленной жаровни. Нам бы таких зимой, да побольше! И угля мешок-другой...

Новое чучело для домашних упражнений было готово. Но отнести его на площадку в саду я не успел. Ворота отворились, во двор ввалился отец. Шагнул. Споткнулся. Чуть не упал. С трудом выровнялся, припадая на правую ногу. В первый миг я решил, что он пьян.

– Отец! Что случилось?!

Пришёл домой в неурочное время. Пьяный. Еле держится на ногах. Его что, выгнали со службы?! Любой бы напился с горя...

– Ничего, – буркнул отец. – Все хорошо.

Он заковылял к дому. На правую ногу отец ступал с большой осторожностью. Казалось, это не нога, а хрупкая сухая ветка, готовая в любой миг сломаться. Левую руку он прижимал к груди. По-моему, отец прилагал большие усилия, чтобы не кричать от боли при каждом шаге.

– Вам помочь?

Я шагнул ближе.

– Нет!

Ослушаться я не посмел. Зато, оказавшись рядом, потянул носом: слух у меня как у летучей мыши, а нюх – как у собаки! Спиртным от отца не пахло. Да он вовсе и не пьян!

Его избили!

– Отец, вы ранены?!

Он зыркнул на меня искоса. Я думал, обругает. Нет, промолчал, захромал дальше. Добравшись до крыльца, опустился – упал! – на ступеньку. Вытянул пострадавшую ногу, выдохнул с явным облегчением.

Лицо его цветом напоминало сизый пепел.

– Прошу вас, отец! Позвольте осмотреть ваши раны!

– Нет у меня никаких ран!

– Может, сбегать за лекарем?

Из дома выскочила О-Сузу. Следом – встревоженная мать. Втроём мы уломали-таки отца снять кимоно. Штаны снимать он отказался наотрез, но штанину закатал. Ран не обнаружилось, тут отец был прав. Ушибы ведь не раны, правда? Правое колено спорило с левым локтем:

кто синее, а кто багровой. Оба распухли: точь-в-точь шишковатые наросты, какие бывают на деревьях.

Синяки и ссадины на груди и плечах – не в счёт.

– Кости целы! – отец был в бешенстве от причитаний матери и О-Сузу. – Лекарь? Не нужен мне лекарь!

Ясное дело. Лекарь не нужен, потому что на лекаря нужны деньги. А где их взять?

– Смочите тряпки колодезной водой! Наложим повязки. Будете менять, когда скажу. И хватит выть! Ерунда, к утру пройдёт.

Все прекрасно знали: не пройдёт. Ни к утру, ни через день. У аптекаря Судзуму есть отличная мазь от ушибов. Мне в детстве покупали, когда я с крыши навернулся. Раз-два, и всё как рукой снимет! Вот бы её сейчас отцу...

Мать побежала за тряпками. О-Сузу рвала листья подорожника, растущего под забором, жевала их и сплевывала в глиняную плошку. Остро пахнувшей кашицей служанка намеревалась облепить хозяину суставы, чтобы снять отёчность. Я умчался к колодезю, а когда вернулся с полным ведром, в ворота постучали.

– Кто там?! – рявкнул с крыльца отец.

– Это я, Хидео-сан! Нисимура Керо!

Отец кивнул, и я открыл ворота толстяку-стражнику.

– Как вы, Хидео-сан?

Нисимура приблизился к отцу. Тому, похоже, было неловко. Облепив колено жеваным подорожником, О-Сузу накладывала отцу повязки: по ступенькам растекалась лужица воды.

– Я в порядке.

– Мы тут это... Скинулись, в общем.

– Кто? Зачем?!

– Я, Наоки, Мэнэбу. Остальные тоже. Вам на лечение.

Мешочек из грубой холстины был туго перетянут шнурком. Толстяк отцепил его от пояса, положил рядом с отцом.

– Очень признателен, – отец смотрел в землю – Я не заслуживаю вашего беспокойства. Ссадины пустяковые, заживут и так.

– Не обижайте нас отказом! Мы от чистого сердца! Если бы не вы...

Я наострил уши, но отец прервал Нисимуру:

– Тысяча благодарностей, Керо-сан! Кланяйтесь от меня всем, кто помнит про скромного Хидео. Это счастье – иметь таких друзей!

– Я передам! Я непременно передам! Поправляйтесь...

Отдав деньги, Нисимура почувствовал себя лишним.

– Отец, я бегу в аптеку! – закричал я, едва толстяк вышел за ворота. – Помните ту чудодейственную мазь? Мои ушибы сразу прошли! Вам она тоже поможет!

После некоторых колебаний отец бросил мне мешочек. Я поймал его на лету: тяжелый! Отлично, хватит на всё.

Я припустил со двора.

– Стой!

Я замер в воротах.

– Принеси бумагу, тушь и кисть. Я напишу, что нужно купить. Знаю я этого Судзуму! Всучит, мошенник, что подороже...

Пока я бегал за письменными принадлежностями, отец пристроил на здоровом колене кипарисовую дощечку, поданную матерью. К счастью, правая его рука не пострадала. Кисть нырнула в тушечницу, вспорхнула над листом дешевой рисовой бумаги, выводя иероглиф за иероглифом. Писал отец быстро, практически не отрывая кисть от бумаги.

– Вот, держи. Ничего сверх списка не бери, понял?

Маленький я, что ли? Вот возьму и обижусь.

– Да, отец.

Глава пятая Гром и молния

1

Допрос стражника Икэды, проведенный Ясуо Хасимото, начальником городской стражи, в присутствии писца

(продолжение)

– Старшина караула остановил ронина. Позже Хидео-сан сказал нам, что у него возникли подозрения.

– Подозрения? На каких основаниях?

– Старшине показалось, что этот ронин нарочно затесался в толпу паломников. Он хотел пройти без досмотра, предположил Хидео-сан. Рассчитывал, что мы сочтем его самураем или паломником, уже прошедшим проверку.

– У ронина была подорожная?

– Да.

– Вы ее видели?

– Да. Мы все ее видели.

– Грамота была в порядке?

– На первый взгляд, да. Но, полагаю, Хидео-сан уже тогда что-то заподозрил. Он оставил грамоту у себя и велел ронину зайти в помещение для личного досмотра. Потом, когда все закончилось, Хидео-сан сказал мне, что некоторые иероглифы были подчищены и написаны заново. Это была краденая грамота, она принадлежала другому человеку.

– Что произошло после?

– Ронин выхватил меч и бросился на нас.

– Он носил меч? Вместо плетей?

– Да, тяжелый деревянный меч. Наверное, дубовый. Таким легко расколоть кому-нибудь череп.

– Я знаю. Поэтому их носят только опытные бойцы.

– Да, очень опытные. Иначе можно убить противника, и тогда: фуккацу! Надо быть сумасшедшим, чтобы размахивать дубовым мечом, не имея к этому таланта. Но этот ронин и был сумасшедшим. Мы сразу решили, что он сошел с ума.

– Почему?

– Мы били его палками и плетями. Загоняли на обочину, к деревьям. А он кидался на нас, как бык. Размахивал своим мечом и кидался как бык.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, как бык. Головой вперед. Казалось, он хочет нас забодать.

– Продолжайте.

– Мы теснили его на обочину, но старшина приказал нам отступить. Прекратить, велел Хидео-сан. Тех, кто в горячке не услышал его, он оттаскивал собственноручно.

– Торюмон Хидео велел вам прекратить схватку?

– Да.

- Вы не сочли этот приказ удивительным?
- Удивительным? Я счел его преступным! Отступить перед очевидным злоумышленником?! Я был среди тех, кого Хидео-сан оттащил прочь.
- Так вы не услышали приказа – или не хотели его исполнять?
- Ой, это я зря. А как лучше, господин?
- Неважно. Что случилось потом?
- Когда мы отступили?
- Да.
- Хидео-сан взял боевой ухват.

* * *

Писец заинтересовался.

Кисть исправно выводила столбики иероглифов, но писец весь превратился в слух. Боевой ухват? Рогатый наконечник, по форме схожий с огромной подковой. Древко длиной в семь *сяку*²³. На древке – острые шипы, чтобы преступник не хватался за него.

Тяжелая, громоздкая штуковина.

Сам писец никогда в жизни не орудовал боевым ухватом, и не потому что случая не представилось. В арсенале стражи на почтовых станциях ухваты имелись, но скорее из-за традиции, чем для реального применения. Ухватами чаще пользовалась городская полиция. Если требовалось утихомирить и задержать буяна, его загоняли к забору или стене дома – и прищипывали ухватом за шею, не давая сойти с места. Древко удерживал либо один силач, либо двое напарников, а остальные хватали добычу, скручивали руки и вязали буяна веревками.

Старшина караула отдал приказ отступить? Не трогать преступника?! Об этом следовало доложить кому следует. Но при чём здесь ухват?! На дороге нет стен и заборов, куда можно было бы прищипить сумасшедшего ронина. Чего добивался подозрительный старшина? И ещё...

«Он кидался на нас, как бык. Казалось, он хочет нас забодать.»

Что бы это значило?!

Писец сделал две пометки: одну на полях, для господина Хасимото, другую в уме, для шпионов *бакуфу*.

* * *

- Итак, вы отступили, а старшина взял ухват. Что было дальше?
- Они сошлись в поединке. Ронин размахивал мечом, но Хидео-сан не подпускал его к себе. Бил древком по коленям, тыкал «рогами» в грудь. Ронин кричал. Он очень страшно кричал. Казалось, у него вырывают сердце.
- Объяснитесь.
- Ну, сердце. Прошу прощения, господин, я не умею объяснять.
- Неважно. Продолжайте.
- Хидео-сан...
- Почему вы все время называете его Хидео-сан?! Его здесь нет, вы к нему не обращаетесь. Вы говорите со мной. Почему не просто Хидео?
- Потому что я очень его уважаю. Мне нельзя так говорить?
- Можно.

---

²³ *Сяку* – 30,03 см. Древко ухвата в данном случае более двух метров.

– Хидео-сан теснил ронина на обочину. Мы сперва не поняли, зачем, а потом вспомнили про дерево.

– Дерево?

– От начала дороги до нашей станции – ровно один *ри*²⁴. Через каждый *ри* по закону насыпается холмик и высаживается дерево...

– Я знаю. Высаживается железное дерево, чтобы путники могли отдохнуть в тени. Повторяю вопрос: при чем здесь дерево?!

– Там ещё стоит дорожный столб с указателем, но Хидео-сан выбрал дерево. Он бил ронина по коленям, а когда тот прижался спиной к дереву, старшина прищипил его к стволу. Мы кинулись вперед. На этот раз старшина не стал нас останавливать. Он держал ронина, пока мы не связали негодяю руки и не бросили лицом в пыль. Тогда Хидео-сан велел принести бритву...

– Бритву?!

– Да, господин. Я принес бритву, а старшина обрил ронину голову. Можно было подумать, что он постригает мерзавца в монахи.

– Зачем он это сделал?!

* * *

Ясуо Хасимото кипел от негодования.

История с задержанием преступника напоминала дурной сон. Тупица-стражник, болтливый как скверный актер. Удивительный приказ отступить. Станный поединок, когда ронина следовало просто избить палками и задавить числом. И вот – бритва.

Постриг? В монахи?!

Пытаясь совладать с гневом, Хасимото встал, прошелся по комнате. Из-за спины писца глянул на листы бумаги с записью допроса. Напротив реплики «кидался как бык» стояла пометка: «Уделить внимание».

Он прав, подумал Хасимото. Он прав, а я проморгал.

– Вы говорили, ронин кидался на вас как бык. Вы выяснили причину?

* * *

– Да, господин. Когда мы обрили ему голову...

– Опять?! Я не жалею на память.

– Простите скудоумного! Но иначе я ничего не смогу вам объяснить. Я не умею рассказывать, если не по порядку. Когда меня перебивают, у меня мысли путаются.

– Хорошо. Вы обрили ему голову. Дальше!

– У него была трещина в черепе. Ужасная трещина, не понимаю, как он ещё оставался в живых. Наверное, упал в горах с крутизны и ударился о камень. Или конь ударил копытом. Хидео-сан сказал нам, что ронин хотел умереть.

– Умереть?

– Да, господин.

– Что же мешало ему вспороть себе живот? Утопиться? Кинуться с обрыва?!

– Он хотел, чтобы его убили. Чтобы его прикончил кто-то из стражников. Кажется, у него был зуб на стражу. Он бросался головой вперед и размахивал дубовым мечом. Очень тяжелым мечом, господин. Старшине он причинил много хлопот, да и мне досталось. В ответ мы тоже

---

²⁴ Около четырех километров.

били очень сильно. Думаю, рано или поздно кто-нибудь попал бы ему по голове. А там и до смерти недалеко. Если череп треснул, много ли надо?

– Допустим, кто-то из вас убил бы его. Но убийцу тут же задержали бы! Отправили бы в тюрьму! В своем теле, в чужом – в любом случае ронин закончил бы свои дни на Острове Девяти Смертей! На что он рассчитывал?!

– Это да, конечно. Фуккацу! Но так бы негодяй отправил стражника в ад. Причинил бы вред его семье. Заставил бы плакать жену и детей. Захватил бы чужое тело. Думаю, это принесло бы ему удовлетворение.

– Пожалуй. С новым здоровым телом можно надеяться и на побег. Значит, ронин искал смерти в бою? Жаждал мести? А старшина караула это понял и отозвал вас?

– Выходит, что так.

– И взял ронина живым? С помощью боевого ухвата?

– Да, господин.

– Где ронин сейчас?

– Мы с Хидео-сан доставили его в тюрьму Бомбори.

– Живым?

– Когда мы ушли из тюрьмы, он был ещё живой. Если он и умрёт, то не по нашей вине.

2

«Вы сама любезность!»

– Ушибы?

– Да, и сильные! Локоть, колено...

Влетев в аптеку, я не сразу отдышался. Запыхался, пока бежал. А когда оказался внутри и имел неосторожность вдохнуть полной грудью – едва не лишился чувств. Ядрёная смесь лекарственных ароматов оглушила меня. Перед глазами всё поплыло, я ухватился за прилавок, чтобы не упасть. Аптекарь решил, что помощь нужна мне, но я в конце концов всё ему объяснил.

– Кровоподтёки? Опухоль?

– И то, и другое.

– Переломы?

На лицо господина Судзуму, круглое, как луна, снизошла тень озабоченности.

– Отец сказал, что кости целы. Я ему верю.

Вряд ли мои слова убедили аптекаря.

– Он может ступать на повреждённую ногу?

– Он сам пришёл домой.

– Это хорошо. Что насчёт руки?

– Двигает. Ну, немного. Старается не беспокоить.

– Ладно, будем надеяться на лучшее. Я назначу ему...

– Прошу прощения, Судзуму-сан! Отец перечислил всё, что ему требуется. Я запомнил слово в слово.

Показывать аптекарю записку отца я не стал. По дороге я внимательно прочёл и запомнил все, что там было написано, слово в слово. Отличный у отца почерк, просто замечательный. Изящный, стремительный. И разборчивый, не в пример каракулям господина Судзуму.

– Кто здесь лекарь, юноша? Я или ваш досточтимый отец?!

– Здесь? Вы, Судзуму-сан.

– Вот! Вот!!!

– Но могу ли я послушаться отца? Вы же понимаете...

– Благородный юноша, – недовольно проворчал аптекарь. В его устах похвала прозвучала как оскорбление. – Сыновняя почтительность превыше всего. И что же вам принести?

Встав за конторку, он жестом предложил мне сесть на подушку для клиентов.

– Зелёную мазь, – сесть я отказался, показывая, что тороплюсь. – Помните, вы давали её мне от ушибов? В ней, кажется, есть тёртый корень лопуха...

– Я чудесно понял, о чём речь. Да, эту мазь я бы и сам посоветовал. Что ещё?

– Смесь горных трав для припарок. Отец сказал, такая есть только у вас.

– Да уж! Только у меня!

Судзуму был доволен. Широким жестом он указал на потолок, где, подвешенные к балкам, висели десятки мешочков с травяными сборами:

– Только у меня! Это семейный рецепт, мы храним его в строгой тайне. Я напишу, как правильно заваривать травы. Что-то ещё?

– Лекарство с женьшенем, которое вы прописали моей бабушке.

– Лекарство Мизуки-сан? При ушибах?!

– Да.

– Говорите, локоть и колено? А по голове тот разбойник вашего отца не бил?!

– Разбойник? Какой разбойник?!

– Рэйдэн-сан, помилуйте! Вы что же, ничего не знаете?

– Отец ничего не рассказывал. А что случилось?

– Ваш отец задержал сегодня опасного преступника! Сражался с ним и победил! Об этом шумит весь город. Я сам видел, как разбойника вели в тюрьму мимо моей аптеки. Ну и громила! Ваш отец и другой стражник сопровождали его на лошадях. Потом прибежал мой помощник Ёори – я посылая его на рынок – и рассказал, что случилось.

Со всей страстью молодости я жалел, что в аптеке нет Теруко-тян. Ушла к резчикам амулетов? Вот ведь незадача! Конечно, подвиги отца – не подвиги сына. Но хотя бы свой отблеск они на меня бросают? Озаряют светом?! Вне сомнений, да. Прекрасная дочь аптекаря сразу поняла бы, что вишенка от вишни недалеко катится. Она умная, ей долго объяснять не надо.

– Ваш отец – воплощенный герой древности! Передайте ему моё восхищение. Но, боюсь, победа далась ему дорогой ценой...

– Если вы про голову, то голова у отца цела. Он в ясном уме.

– И просит лекарство бабушки Мизуки?

– Да.

– Я, уважаемый Рэйдэн-сан, потомственный аптекарь в шестом поколении. У меня есть разрешение на торговлю от городских властей. За это разрешение я плачу в казну немалую пошлину. Меня каждый год проверяют, но ещё ни разу – слышите? Ни разу! – мое искусство врачевания не подвергалось сомнению. Я спрашиваю вас в последний раз: ваш отец, пострадавший от разбойника, просит лекарство, которое я прописал его матери?

– Вы совершенно правы.

– Но зачем?

– Чтобы выздороветь.

Мрачней ночи, аптекарь уставился на меня, как филин на мышь. Не произнеся ни слова, мы играли в гляделки – кто кого перемолчит да пересмотрит. Я выиграл. Господин Судзуму отвернулся, втянул затылок в плечи.

– Хорошо, – он даже стал меньше ростом. – Какое моё дело, в конце концов? Если Хидео-сан сошел с ума от побоев...

– Припарки! – напомнил я. – И мазь!

– Припарки, – в голосе аптекаря звенело раздражение. – Мазь. И настойка с женьшенем, медвежьей желчью, маслом софьры и сушеным мясом ужа. Ваш заказ обойдётся недёшево. Надеюсь, у вас есть деньги, Рэйдэн-сан?

– Вы сама любезность, Судзуму-сан!

Мешочек глухо звякнул, когда я подбросил его на ладони.

С вершины шкафа на меня смотрел зверь Хакутаку, шестирогий и девятиглазый. То, что он был вырезан из зелёного нефрита, не мешало Хакутаку понимать человеческую речь и гнать прочь злых духов, насылающих на людей всяческие болезни. Судя по выражению его морды, Хакутаку был не прочь изгнать и меня за компанию.

3

«На чем держится очарование?»

Старого монаха я нашел на кладбище за храмом.

Стоя на коленях, Иссэн возжигал курения. Послушников рядом с ним не было, но я видел, что они потрудились на славу. Камень на могиле, где покоился прах бабушки Мизуки, был установлен, укреплен и обтесан как следует. На вершину камня приклеили деревянную табличку с *каймё* – посмертным именем бабушки. Имя монах составил сам, используя редкие, вышедшие из употребления иероглифы.

Зачем тревожить душу покойницы, произнося вслух её настоящее имя? А так произноси, не произноси, хоть язык до корней сотри – душа останется бесстрашна. Что же до *каймё*, произнести его где-то ещё, кроме поминальных обрядов, считалось дурной приметой.

– Страдания, источника, пути, пресечения пути – нет...

Какой же он маленький, подумал я о настоятеле. Это не привело к следующей, на вид вполне здравой мысли: «Какой же я большой!» Находясь рядом с Иссэном, я никогда не чувствовал себя большим.

– Нет познания, нет достижения, нет недостижения...

Я опустил на колени позади монаха.

– Она жива? – тихо спросил я.

Разумеется, я говорил не о бабушке.

Вместо ответа Иссэн свистнул. Из кустов вывернулась кудлатая собачонка и радостно твякнула при виде меня. Знала, пройдоха: дружище Рэйдэн всегда захватит с собой что-нибудь вкусненькое. Разве у монахов, отказавшихся от мясной пищи, разживёшься лакомством?!

Хвост собачонки мотался из стороны в сторону: вот-вот оторвётся.

– Живая! – обрадовался я. – Хвала небесам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.